

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**



**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

№ 1-2

2017

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2017, № 1-2

Основан в 2016 г.



**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

2017, № 1-2

It is founded in 2016.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-65899 от 06 июня 2016 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 38977

УЧРЕДИТЕЛИ:

- **ООО «Наука и образование»**

РЕДАКЦИЯ:

- **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Попов Михаил Юрьевич,

доктор социологических наук, профессор, главный редактор научного журнала «Гуманитарные социально-экономические и общественные науки».

- **ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ**

Шелкова Елена Андреевна

Registration number al PI № FS 77-65899 of 06/06/2016 of Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

The integrated catalog «Press of Russia» – subscription index 38977.

FOUNDERS:

- **LLC «Science and education»**

EDITORIAL BOARD:

- **EDITOR-IN-CHIEF**

Popov Mikhail Yuryevich,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the Scientific Magazine «Humanitarian, Social and Economic and Social Sciences».

- **MANAGER OF EDITION**

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Рассказов Леонид Павлович,

заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Лучинский Юрий Викторович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования Кубанского государственного университета;

Семенов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой начального образования факультета психологии, педагогики и дефектологии Донского государственного технического университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Аванесян Грант Михайлович,

член-корреспондент Международной академии психологических наук, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, Ереванский государственный университет, г. Ереван;

Байер Елена Александровна

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики физической культуры и спорта Донского государственного технического университета, директор ГКУСО РО Азовского центра помощи детям;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Кашкаров Алексей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Коломийцева Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры;

Куликова Элла Германова,

доктор филологических наук, профессор заведующая кафедрой русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет;

Невский Сергей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России;

Скуратовская Марина Леонидовна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дефектологии и инклюзивного образования, Донской государственный технический университет;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой начального образования, Донской государственный технический университет;

Хоронько Любовь Яковлевна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Leonid P. Rasskazov,

Honored Public figure of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History, Law and State at the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin.

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Yury V. Luchinsky,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of history and legal regulation of the Kuban State University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of department of criminal proceedings of the Kuban State University;

Olga D. Fedotova,

the Doctor of pedagogical sciences, Professor managing department of primary education of faculty of psychology, Pedagogics and defectology of the Don state technical university.

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Grant M. Avanesyan,

Corresponding Member of the International Academy of Psychological Sciences, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the department of the General Psychology, Yerevan state university, Yerevan;

Elena A. Bayer,

Doctor of pedagogical sciences, Professor of department of the theory and practice of physical culture and sport of the Don state technical university, Director GKUSO RO of the Azov center of the help to children;

Kirill V. Vishnevetsky,

Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Alexey A. Kashkarov,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Chief of department of Criminal Law and Criminology, Crimean branch of the Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Elena Yu. Kolomiytseva,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Journalism, Moscow State Art and Cultural University;

Ella G. Kulikova,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and the Standard of Speech, Rostov state economic university;

Sergey A. Nevsky,

Doctor of Law Sciences, Professor of operational strategy and technical measures Department in the Institute of advancement qualification under the Ministry of Internal affairs;

Marina L. Skuratovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the department of Defectology and Inclusive Education, Donskoy state technical university;

Olga D. Fedotova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the department of Primary Education, Donskoy state technical university;

Lyubov Y. Horonko,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of department of Education and Pedagogical Sciences, Academy of psychology and pedagogics, Southern Federal University.

КОНТАКТЫ:

○ ШЕФ-РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич
Тел.: +7(928) 268-34-15
e-mail: popov-52@mail.ru

○ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна
Тел.: +7(988) 167-67-67
e-mail: milena.555@mail.ru

○ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных Партизан д. 371 оф. 2

Часы приема: понедельник – пятница, 10⁰⁰ – 17⁰⁰

Тел./факс:+7(861) 226-08-65

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

○ THE CHIEF - THE EDITOR

Popov Mikhail Yur'evich,
Ph.: +7(928) 268-34-15
e-mail: popov-52@mail.ru

○ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna
Ph.: +7(988) 167-67-67
e-mail: milena.555@mail.ru

○ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

371, of. 2, Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Krasnodar district, 350049, RF.

Reception hours: Monday – Friday, 10⁰⁰ – 17⁰⁰.

Ph./fax:+7(861) 226-08-65

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абрамов М.А., Кириченко С.Н., Сотский А.С.</i> Стабильность правовой культуры в трансформации институтов социального взаимодействия	19
<i>Гришай В.Н., Корсаков А.Н., Шуренкова С.С.</i> Особенности распространения медиации как способа решения конфликтов	23
<i>Гришай В.Н., Курносенко А.А.</i> Социальный потенциал внутренних и внешних противоречий власти	26
<i>Зенин К.А.</i> Социальное неравенство как атрибутивная характеристика общества	30
<i>Исламов Ф.И., Айрапетов А.В., Апанасенко Ф.Е.</i> Развитие замкнутого государства, сопровождающееся динамическим развитием его функциональной составляющей	34
<i>Мусаев А.Р., Зиятдинова Ю.Е., Гришай В.Н.</i> Социальное действие как производная от активности индивидов и социальных групп	37
<i>Попова Т.В., Товмасын Г.А., Скворцов Д.В.</i> Особенности социологического исследования медиа предпочтений телевизионной аудитории	41
<i>Шатовкина Р.В., Тищенко А.В.</i> Социологическое исследование проблемы преемственности и инновации молодежной культуры в реформируемом обществе	45

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Беляков С.Г., Соловов М.В., Зенина Ю.М.</i> Правовое регулирование общественных отношений	51
<i>Бугаенко Ю.Ю.</i> Институализация и социальные институты в структуре философско-правового знания	54
<i>Ширяев А.С., Капустян Н.В.</i> Субъектная структура общества как ресурс правовой культуры	58

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Велиев З.Б.</i> Конфликтогенность: нарушение принципов политической корректности	63
--	----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Килясханов М.Х.</i> Трансляция знаний в развитии личности и общества	69
<i>Левашев Д.Н.</i> Архаизация правового поведения в российском обществе: теоретико-методологический конструкт исследования	72
<i>Ростова А.Т., Килясханов М.Х., Тищенко А.В., Бакланов И.С.</i> Аксиологические установки и закономерности формирования символического пространства функционирования общества	78

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<i>Maxim A. Abramov, Sergey N. Kirichenko, Alexander S. Sotsky</i> The stability of the legal culture in the transformation of institutions of social interaction	19
<i>Vladimir N. Grishay, Alexander N. Korsakov, Svetlana S. Shurenkova</i> Distribution features of mediation as a method of conflict resolution	23
<i>Vladimir N. Grishay, Andrey A. Kurnosenko</i> Social potential internal and external contradictions of power	26
<i>Konstantin A. Zenin</i> Social inequality as an attribute characteristic of the society	30
<i>Verzila I. Islamov, Alexander V. Airapetov, Fedor E. Apanasenko</i> The development of a closed state, accompanied by the dynamic development of its functional component	34
<i>Alik R. Musayev, Julia E. Ziyatdinova, Vladimir N. Grishay</i> Social action as derived from the activity of individuals and social groups	37
<i>Tatiana V. Popova, Gregory A. Tovmasyan, Dmitry V. Skvortsov</i> Specifics of sociological study of media preferences of the television audience	41
<i>Rimma V. Shatokhina, Alexander V. Tishchenko</i> A sociological study of the problem of continuity and innovation of youth culture in the reformed society	45

LAW SCIENCES

<i>Sergey G. Belyakov, Mikhail V. Solovov, Yulia M. Zenina</i> Legal regulation of social relations	51
<i>Yulia Yu. Bugayenko</i> Institutionalization and social institutions in the structure of philosophical and legalknowledge	54
<i>Alexander S. Shiryayev, Natalia V. Kapustyan</i> Subjective structure of society as a resource of legal culture	58

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Zahid B. Veliyev</i> Potentially conflicting situation: violation of the principles of political correctness	63
--	----

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Magomed H. Kilyashanov</i> Stream of knowledge in development the individual and society	69
<i>Dmitry N. Levashev</i> Arkhaization of legal behavior in the Russian society: teoretiko-methodological construct of a research	72
<i>Antonina T. Rostova, Magomed H. Kilyashanov, Alexander V. Tishchenko, Igor S. Baklanov</i> Axiological installation and regularities of formation of symbolic space for the functioning of society	78

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**СТАБИЛЬНОСТЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
В ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**



**THE STABILITY OF THE LEGAL CULTURE
IN THE TRANSFORMATION OF INSTITUTIONS OF SOCIAL INTERACTION**

Абрамов Максим Алексеевич

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры общегуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
milena.555@mail.ru

Maxim A. Abramov

Candidate of sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of General
humanitarian and natural Sciences,
Essentuki Institute
of management, business and law
milena.555@mail.ru

Кириченко Сергей Николаевич

кандидат социологических наук, доцент,
заместитель директора,
филиал ФГБУ ИАЦ
Судебного департамента
в Ставропольском крае
milena.555@mail.ru

Sergey N. Kirichenko

Candidate of social Sciences,
Associate Professor
Deputy Director of the branch,
IAC Judicial Department
in the Stavropol region
milena.555@mail.ru

Сотский Александр Сергеевич

соискатель кафедры
философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
milena.555@mail.ru

Alexander S. Sotsky

Candidate of the Department
of philosophy and sociology,
Adygei STATE University
milena.555@mail.ru

Аннотация. В статье отмечается, что в современных условиях управление культурой организации предполагает обращение к принципам всеобщего права равного доступа к информации, свободы подачи обращений, равноправия и равной ответственности гражданина и государства, гласности разбирательства, объективности, подведомственности коммуникаций, комплексном подходе к перспективам трансформации институтов власти.

Ключевые

слова:

Annotation.

правовая культура, социальное взаимодействие, гражданин.

In modern conditions the management culture of the organization involves an appeal to the principles of universal human rights and equal access to information, freedom of filing appeals, equal rights and equal responsibility of the citizen and the state, publicity of proceedings, objectivity, competence communications, an integrated approach to the prospects of transformation of the institutions of power.

Keywords:

legal culture, social interaction, citizen.

Социальные границы управления социокультурными протестными динамиками, в первоочередном порядке, корректируются в сочетании следующих факторов:

- экономической, финансовой целесообразности трансформации институтов административно-политической деятельности;
- политической рациональности, в осязаемых пределах осуществимости власти;
- оптимального сочетания современного запроса и культуры, традиций, установок веры, морали, нравственности.

Принцип объективности означает, что сведения, сообщенные гражданином в устном или письменном обращении, должны быть подвергнуты объективному, непредвзятому анализу, который, в свою очередь, должен быть положен в основу принимаемого по содержанию обращения решения.

Принцип законности означает прямое, гарантированное следование порядку, установленному Конституцией и сопутствующим комплексом законодательства для государства и его территорий.

Необходимость демократизации в прогнозировании и в управлении социокультурным протестом, обусловлена особым порядком принятия решений, исходя из следующих приоритетов социологии социокультурного протеста:

- ориентации на духовный рост личности;
- развития индивида в образовании и в профессии;
- потребности в обеспечении благосостояния;
- общественного контроля и юридических санкций.

Интеграл трансформационных характеристик социального взаимодействия раскрывается через такую взаимосвязь различных средств оценки и переоценки, которая будет придавать правовой аргументации социокультурного процесса дополнительные преимущества. В ситуациях, когда совокупность интегральных характеристик организации призвана обеспечить стабильность и необходимое единообразие в регулировании общественных отношений, социальный менеджмент способствует организации и учету конкретной обстановки в зависимости от социально-культурной ориентации, в том числе, и в условиях протестной динамики.

В общем случае, пропорциональное сочетание разных социокультурных подходов в однотипных сферах, придает правовой культуре рациональность и универсальность, минимизирует свои и непропорциональные эволюционные перемещения. Недооценка, необоснованное корректирование средств и приемов, заложенных в социокультурном обосновании интегральных характеристик культуры организации, приводят к снижению эффекта взаимодействия. Здесь актуально предположение, что интересы и ценности организации составляют основу развития и совершенствования правовой культуры индивида. В условиях трансформации научных представлений о правовом сопровождении социального взаимодействия, на практике – возрастает роль институтов гражданского общества.

Практика управления культурой организации настоятельно требует развития социологического инструментария, который позволил бы с достаточной степенью достоверности оценивать эффективность социального взаимодействия, взятого в ракурсе его воздействия на уровень правовой культуры в обществе в целом. По нашему мнению, основу такого модельного анализа правовой культуры организации составляют социально-культурные функции, которые являются обобщением традиционного аппарата функций коммуникации, применительно к макро-уровню.

В большинстве схем развития правовой культуры закономерно ориентированная конкуренция власти, в современных условиях, подменяется передачей властных полномочий по итогам противостояния профессиональных, региональных и иных элит. Наиболее опасным для общества последствием развития событий в таких схемах смены власти является, во-первых, отсутствие свободной конкуренции элит в сфере демократических ожиданий общества, а во-вторых, отсутствие действенного механизма преемственности власти.

В этих условиях, действенным механизмом дифференцирования и рекрутирования региональных элит в России выступает клиентелизм. Клиентские отношения власти и гражданина вполне соответствуют особенностям формирования и развития современных институтов административно-политической деятельности. По сути своих предельных характеристик, на определенных, чаще – кризисных этапах развития общества, рассмотренные по составу участников, клиентские отношения оказываются масштабнее патриотизма, убеждений, традиций и ранее принятых систем ценностей. В том числе, клиентелизм – это специфическая форма временного «перемирия» между обществом и неэффективной властью. Потенциал клиентелизма во взаимоотношениях власти и общества возрастает и как основа выбора свободной конкуренции для власти, не стремящейся «связать» себя гарантиями легитимности, гражданскими обязательствами и т.п. По нашему мнению, слабость и неустойчивость власти – это её новая реальность, проявляющаяся и как глобальная, и как региональная характеристика. Современные государства дошли до пределов или даже исчерпали потенциал доверия граждан. Повседневностью трансформируемых институтов административно-политической деятельности, становится потребность учитывать потенциал и динамику гражданского протеста.

Социокультурная сущность регионального института власти как совокупности норм и учреждений, организованных на формальном уровне, раскрывается в регулировании культурных и общественных отношений для конкретного региона, в том числе, с учётом неформальных правил. В повседневной отечественной реальности всё чаще оказываются «размыты» границы

в строго научном употреблении понятий «управление», «руководство», «менеджмент», «администрирование». Всё чаще встречаются попытки изъясняться, исходя не из сути дефиниций, а из некоторого общего смысла, задаваемого конкретным автором для своего исследования. В документах, разрабатываемых не в научных целях, путаницы ещё больше.

Ресурс правовой культуры целесообразно рассматривать как специфическую реализацию власти, связанную с осуществлением управления социальными трансформациями в регионах с учетом национальных приоритетов, которые сегодня связываются с устойчивостью развития всех сфер общественной жизни.

Основой социологического анализа правовой культуры выступает совокупность фактов социальной реальности, фиксируемых средствами соответствующего контроля. В любых масштабах власти основой культуры организации остаётся руководство людьми, координация их деятельности по запросу соответствующих групп, общностей, институтов.

В российской реальности перспективы трансформации институтов социального взаимодействия находят объяснение по следующим объективным обстоятельствам:

- поиска путей рационального преобразования территориальной структуры;
- изменения границ территорий внутри страны;
- потребности в передаче, или в перераспределении полномочий власти новым территориальным образованиям внутри государства;
- поиска и выбора вариантов территориальной структуры управления в зависимости от масштабов конкретной проблемы размещения и использования общехозяйственных, природных ресурсов;
- наделения территорий дополнительными правами и обязанностями по отношению к центральной власти.

Для системы интегральных характеристик социального государства востребованы следующие критериальные уровни личностного восприятия реальности:

- дихотомия представлений об уровне заработной платы, в концепции соответствия ожидаемым запросам по обеспечению и превышению прожиточного минимума для условий конкретного региона, территории расселения;
- представления о достигнутых уровнях и перспективах самореализации в труде, удовлетворённость предложениями «социального пакета»;
- социологическое обоснование критериальных установок при определении свойств лояльности граждан, представителей конкретных предприятий;
- возрастающие требования к дисциплине на рабочем месте, во взаимодействиях между различными участками на предприятии и во внешних коммуникациях с партнерами и клиентами;
- гарантии открытости в получении актуальной профессиональной, правовой, обще социальной информации;
- полноценная реализация новых и перспективных программ профессионального развития, программ обучения персонала, повышения квалификации и предоставления дополнительных навыков и компетенций (повышение компьютерной грамотности, изучение иностранного языка);
- восприятие социальной культуры в свете справедливой компенсации затраченных собственных усилий на профессиональное и общее развитие, убеждение в равновесии формальных требований для представителей различных социальных групп;
- общекультурная аналитика основных параметров устойчивости развития и преемственности профессиональных и социальных традиций;
- ожидаемый и реальный уровни самоорганизации сотрудников.

Стабильность правовой культуры в трансформации институтов социального взаимодействия определяется не только позитивной динамикой основных показателей гражданских свобод, но и наличием эффективной институциональной среды, предполагающей коммуникацию формальных институтов права, и не входящих с ними в противоречие традиционными неформальными носителями культурных норм и ценностей.

Таким образом, региональные институты власти и управления подвергаются трансформации на всём этапе построения федеративного государства в России. В социологической трактовке правовая культура воплощена в деятельности государственных служащих, поэтому реформирование института государственной гражданской службы является важнейшей составляющей административной реформы, в значительной мере обуславливающей эффективность деятельности региональных администраций.

Литература:

1. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
2. Бажов С.И. Философия истории Н.Я. Данилевского. – М., 1997.
3. Крылова Н.Б. Социальное управление и формирование культуры личности. – М. : Знание, 1978. – С. 35–37.;
4. Москаленко А.Т., Сержантов В.Ф. Смысл жизни и личность. – М. : Наука, 1989. – С. 42.

Literature:

1. Sorokin P. The Man. Civilization. Society. – M., 1992.
2. Bazhov S.I. Philosophy of history N.Ay. am. Danilevsky. – M., 1997.
3. Krylov N.B. Social control and the formation of cultural identity. – M. : Knowledge, 1978. – P. 35–37.
4. Moskalenko A.T., Sergeantov V.F. Sense of life and personality. – M. : Science, 1989. – P. 42.

ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МЕДИАЦИИ КАК СПОСОБА РЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ



DISTRIBUTION FEATURES OF MEDIATION AS A METHOD OF CONFLICT RESOLUTION

Гришай Владимир Николаевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры экономики,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
milena.555@mail.ru

Vladimir N. Grishay

doctor of social Sciences, Professor,
Professor of Economics Department,
Essentuki Institute
of management, business and law
milena.555@mail.ru

Корсаков Александр Николаевич

соискатель кафедры
философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
milena.555@mail.ru

Alexander N. Korsakov

Candidate of the Department
of philosophy and sociology,
Adygei STATE University
milena.555@mail.ru

Шуренкова Светлана Сергеевна

кандидат социологических наук, доцент,
руководитель юридической компании,
«ЮрМедиа»
milena.555@mail.ru

Svetlana S. Shurenkova

Candidate of sociological Sciences,
Associate Professor,
the Head of the Legal company,
«OurMedia»
milena.555@mail.ru

Аннотация. Медиация является одним из важных инструментов урегулирования конфликтов, представляя собой альтернативу классическому судебному разбирательству. Способствовать распространению медиации как способа решения конфликтов должен рост правосознания гражданского общества, так как медиация возможна лишь при условии сознательной инициативы конфликтующих сторон. Уже на первоначальном этапе на первый план выходит уровень профессионализма медиатора, его квалификации и подготовки, что должно отвечать цели взаимовыгодного урегулирования конфликтной ситуации.

Ключевые слова:

медиация, конфликт, гражданское общество.

Annotation.

Mediation is an important tool of conflict resolution, presenting an alternative to the classic trial. To facilitate the spread of mediation as a method of resolving conflicts should the growth of legal consciousness of civil society, as mediation is only possible if the conscious initiative of the conflicting parties. Already at the initial stage to the fore the level of professionalism of the mediator, his qualifications and training that must meet goals mutually beneficial settlement of the conflict.

Keywords:

mediation, conflict, civil society.

Наиболее богатый и осознанный опыт деятельности медиатора на сегодняшний день накоплен в США. Для достижения успешного результата процедуры медиации медиатор должен иметь определенную компетенцию и обладать целым рядом профессиональных качеств. В первую очередь, медиатор должен обладать оптимистическим настроением на достижение цели, быть готовым преодолевать препятствия в ее достижении. Также стоит отметить, что квалифицированный медиатор должен уметь разграничивать субъективные позиции конфликтующих сторон и их реальные интересы, которые далеко не всегда совпадают. К тому же, успешному

медиатору необходимо поддерживать конструктивное влияние на процедуру медиации, поддерживая позитивный, нацеленный на достижение взаимовыгодных результатов тон диалога. В то же время, одним из основных условий достижения успеха в процедуре медиации выступает строгая конфиденциальность полученной от конфликтующих сторон информации, что, несомненно, требует выработки определенной стратегии поведения медиатора.

Медиатор должен уметь проводить курсы, управлять людьми со сложными характерами в позитивной и конструктивной манере, быть сосредоточенным и терпеливым, способным действовать, оставляя в стороне собственные предубеждения, обеспечивать достижения такого исхода процедуры, который бы действительно удовлетворял стороны [1].

В качестве основных в процедуре медиации можно выделить такие этапы, как сбор информации, ее толкование, диагностика ситуации, и наконец, сам процесс достижения успешного разрешения конфликтной ситуации. На первых этапах медиатору необходимо выслушивать стороны, пропуская полученную информацию через интуицию и логическое мышление. В то же время, конфликтующим сторонам необходимо обеспечить медиатору наиболее полную информацию, касающуюся спора, а также предложить возможные, по их мнению, варианты решения конфликта.

На заключительном этапе наступает время активных действий самого медиатора. Здесь можно выделить три типа тактики поведения медиатора: коммуникативную, материальную, процессуальную.

В зависимости от видения ситуации, медиатор может придерживаться нескольких линий поведения в рамках коммуникативной тактики. В первую очередь, это простое информирование одной сторон о предложении второй. Вторая линия поведения подключает так называемую суррогатную тактику, в рамках которой медиатор обосновывает предложения сторон. Также посредник может прибегать к переформирующей линии поведения, заключающейся в большей степени активностью медиатора, который в таких ситуациях, по собственному видению успешного результата, изменяет предложения сторон. И наконец, медиатор может использовать тактику разъяснения, уточняя важные, по его мнению, для успешного разрешения конфликта специфические вопросы, выдвигая напередний план существенные, уже высказанные тезисы.

Для материального типа тактики медиатора характерно комментирование конкретных тезисов спора, выдвигаемых сторонами. Здесь также можно отметить различные тактики, которыми может воспользоваться посредник.

Во-первых, это перевод (переформулирование) определенных, болезненных для сторон вопросов в формат компромиссных решений.

Также, медиатор может указать на нереалистичность требований сторон, их неадекватность для подобных конфликтов. В то же время, он может высказать собственное мнение о том, какими плюсами и минусами обладают предложения сторон.

Ну и наконец, одной из тактик, которой может воспользоваться медиатор, может выступать рекомендательная тактика. В ее рамках он однозначно рекомендует одной из сторон принять конкретное предложение другой стороны.

В рамках процессуального этапа работы медиатора им предпринимаются действия, призванные контролировать успешное продвижение процесса достижения согласия конфликтующих сторон. Здесь возникает необходимость определить оптимальное время и место для проведения процедуры медиации, а также, в случае необходимости, инициировать экстренные мероприятия, как то отдельное посещение конфликтующих сторон или отдельные встречи.

Основную линию поведения можно выразить следующими словами: «Процесс медиации может быть успешным, если поддерживается общение между сторонами. Медиатор должен поддерживать такое общение, направляя его на достижение результатов. Если стороны становятся нетерпеливыми или расстраиваются, считается целесообразным медиатору предложить сторонам сделать перерыв или отложить рассмотрение дела. При отказе стороны принять сделанное другой стороной предложение медиатору необходимо выяснить причины такого отказа и что, по мнению стороны, необходимо совершить, чтобы сделанное предложение было бы для нее приемлемо» [2].

Успешно используя перечисленные тактики поведения, медиатор помогает сторонам раскрыть истинную проблему конфликта, иллюстрирует разницу между желаемым и необходимым, а также выявить истинное желание конфликтующих сторон и определить, насколько реалистичны возможности в урегулировании конфликта.

Успешность процедуры медиации не полностью зависит от медиатора, но включает в себя еще и такие элементы, как уровень правосознания спорящих сторон и степень их мотива-

ции на достижение оптимального результата урегулирования конфликта. В то же время, именно уровень профессионализма и квалификации медиатора играет наиболее значимую роль в достижении успеха.

На сегодняшний день для российского правового поля институт медиации все еще является новым и не развитым, поэтому неудивительно, что до сих пор существует ряд проблем в сфере подготовки профессиональных медиаторов. Одним из препятствий на пути успешной подготовки кадров для института медиации является тот факт, что до сих пор остается нерешенным вопрос, на базе какой специализации необходимо готовить профессиональных медиаторов: юристов, психологов или представителей иных профессий? Отсюда же вытекает и проблема преподавания: кто должен обучать будущих специалистов медиации: профессиональные юристы, конфликтологи, адвокаты, прокуроры, судьи, психологи, либо все их перечисленных? До сих пор, неопределенное предметное поле медиации приводит к отсутствию учебных и методических материалов для подготовки и деятельности квалифицированных медиаторов.

Еще одной проблемой специалисты выделяют отсутствие нормативной проработки вопроса повышения квалификации профессиональных медиаторов (периодичность, профессиональные требования к итоговой аттестации и т. п.), ведь даже пройдя курс обучения и получив право работы медиатором, специалист должен будет постоянно совершенствоваться, поддерживая и улучшая приобретенные навыки, проходить дополнительное обучение, углубляя знания и повышая профессиональную компетентность» [3].

Таким образом, на сегодняшний день на первый план выходит разработка эффективных программ обучения квалифицированных медиаторов, алгоритмов их аттестации и критериев оценки их деятельности.

На настоящий момент в рамках мировой практики господствующим критерием в оценке эффективности подготовки медиаторов является оценка качества результата их деятельности. В то же время, необходимый для успешной профессиональной деятельности набор знаний и умений различается в зависимости от ситуации. В ряде случаев, перечни необходимых навыков и умений противоречат друг другу. Связано это, прежде всего, с тем, что сама психологическая модель переговоров медиатора и общая психологическая модель его деятельности до сих пор недостаточно разработана как в отечественной, так и в зарубежной науке.

В настоящее время, в отечественной практике роль медиации в урегулировании споров незначительна в сравнении с количеством судебных процессов решения конфликтов. Тем не менее, существует положительная статистика, иллюстрирующая эффективность медиации в разрешении конфликтов. Для того, чтобы сделать процедуру медиации более популярной среди широкой общественности, необходима разработка программ квалифицированной подготовки медиаторов. В то же время, распространение процедуры медиации поможет оптимизировать деятельность отечественной судебной системы, а также качественно поднять уровень разрешения конфликтов на более высокий цивилизованный уровень, что, в свою очередь, будет способствовать снижению социальной напряженности в обществе.

Литература:

1. Азарнова А.Н. Оценка эффективности профессиональной деятельности медиатора // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 5 (42).
2. Салимзянова Р.Р., Сабирова Л.Л. Проблемы подготовки медиаторов // Казанский педагогический журнал. – 2012. – № 1 (91).
3. Таранова Т.С. Роль медиации и медиатора в аспекте развития правовой культуры // Вестник Национального университета «Юридическая академия им. Ярослава Мудрого». – 2013. – Серия: Философия, философия права, политология, социология. – № 3 (17).

Literature:

1. Azanova A.N. Evaluation of the effectiveness of professional activity of the mediator // World of science, culture, education. – 2013. – № 5 (42).
2. Salimzyanova R.R., Sabirova L.L. Problems of training of mediators // Kazan pedagogical journal. – 2012. – № 1 (91).
3. Taranova T.S. Role of mediation and of the mediator in terms of the development of legal culture // Herald of National University «Law Academy. YaroslavThe Wise». – 2013. – Series: Philosophy, philosophy of law, political science, sociology. – № 3 (17).

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ВЛАСТИ



SOCIAL POTENTIAL INTERNAL AND EXTERNAL CONTRADICTIONS OF POWER

Гришай Владимир Николаевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры экономики,
ЧОУ ВО «Ессентукский институт
управления, бизнеса и права»
milena.555@mail.ru

Vladimir N. Grishay

Doctor of social Sciences, Professor,
Professor of Economics Department,
Essentuki Institute of management,
business and law
milena.555@mail.ru

Курносенко Андрей Анатольевич

кандидат социологических наук,
доцент, начальник,
Главное управление экономической
безопасности и противодействия
коррупции МВД России
milena.555@mail.ru

Andrey A. Kurnosenko

Candidate of social Sciences,
Associate Professor, Head,
The main Department of economic security
and anti-corruption of the Ministry of internal
Affairs of Russia
milena.555@mail.ru

Аннотация.

В статье отмечается, что в современных условиях формы, пределы, методы и прогнозы воздействия власти на хозяйственные, производственные и связанные с ними социальные процессы, претерпевают качественные изменения. Именно здесь предполагаются и формируются противоречия как результат несоответствия реальности власти и разнонаправленных ожиданий общества. В то же время, достаточно неизменными остаются принципы организации власти. Это и субъективно ориентированная воля, и стремление к максимальному, в том числе неограниченному, контролю в сфере интересов власти.

**Ключевые
слова:**

социальные процессы, общество, власть, противоречивость.

Annotation.

In modern conditions, the forms, limits, methods and forecasts of the impact of the authorities on economic, industrial and related social processes undergo qualitative changes. It is here that contradictions are assumed and formed as a result of the discrepancy between the reality of power and the multidirectional expectations of society. At the same time, the principles of the organization of power remain quite unchanged. This is a subjectively oriented will, and the desire for maximum, including unlimited, control in the sphere of power interests.

Keywords:

social processes, society, power, inconsistency.

В общем случае, власть является одним из ведущих сущностных атрибутов социальной структуры и сама производит такие атрибуты. Одним из существенных условий реализации социального потенциала развития в содержании властных коммуникаций являются, по нашему мнению, изменения, ориентированные на новые характеристики социальных и экономических систем. Здесь структурообразующие признаки обусловлены изменениями в сфере культуры и управления, имеющими тенденцию к развитию новых качеств и свойств как для уже известных, так и для принципиально новых, прогностически определяемых элементов социальной структуры.

Источником рассматриваемого несоответствия чаще всего становится сопоставление масштабов властного контроля и принципов демократизма. Но, прежде всего, результирующая составляющая противоречий раскрывается не в интересах последней группы. История становления государства, общества и права убедительно показывает, что ограничение государственной власти правовыми институтами остается недостижимым идеалом на протяжении веков.

В более частных случаях власть конкретных руководителей, групп или институтов только тогда определяется как эффективная, когда основана на должностном, административном, социальном, духовном, финансовом авторитете или деятельно воспроизводит потенциал такого авторитета. М. Вебер указывал, что нет организаций, добровольно ограничивающих себя лишь воздействием на материальные или аффективные мотивы, используя их как основу для гарантированного продолжения деятельности. Каждая такая система пытается установить и культивировать веру в законность [1]. Соответственно, в любой организации присутствуют структуры власти, общественно значимые гарантии авторитета власти, основанные на социальных и межинституциональных договорах, реализуемых правоохранительных функциях, на распределении видов и форм человеческой деятельности.

В качестве оригинальной основы нашего исследования о направлении социального потенциала на преодоление противоречий власти мы рассматриваем внесубъектные, формальные характеристики. Принципиальное освобождение от субъективных мнений и разнонаправленных, часто непрофессиональных, позиций способствует применению структурного подхода к любой организации, прежде всего, в параметрах четкости и однозначности научных правил и ценностных авторских установок.

Социальный потенциал внутренних (между её носителями) и внешних (с остальным обществом) противоречий власти имеет достаточно чёткие временные, историографические, территориальные и иные институционально выраженные аспекты. Для социологического анализа актуальны региональные, территориальные построения соответствующих структур, так как это позволяет определить фактические границы исследования, то есть отобрать те факты, которые имеют предметно выраженные, узнаваемые как в теории, так и в опыте социологические характеристики.

В современных исследованиях социального потенциала в преодолении противоречий власти сохраняет значение разграничение теоретических подходов по уровням обобщения получаемой информации. Здесь принято выделять:

- общие социальные теории (теории мега уровней глобального социума);
- теории среднего уровня (макросоциология, изучающая крупные социальные общности);
- теории микроуровня социальных коммуникаций (микросоциология, исследующая межличностные отношения в повседневной жизни).

Мы считаем необходимым указать на такие экспертные замеры социального потенциала в преодолении противоречий власти, как корректировка региональной политики, рынка ресурсов, товаров, недвижимости. Специализация власти на выравнивании уровней развития регионов необязательно является прерогативой формально представленного центра. В ряде случаев решения, ориентированные на определение нормативов представительства власти в социальной структуре современного российского общества, не продиктованы целями развития государства и общества. Характерный массовый пример такого подхода – десятилетиями безуспешно реализуемая программа отечественной власти по рациональному сокращению количества административных работников, аппаратов управления разного уровня – от государственных до муниципальных служащих.

По результатам нашего исследования для носителей идей, статуса и профессии представителей власти в современных условиях предлагаем следующие обязательства и правила:

- приверженность этическим нормам;
- способность к генерации новых идей;
- осознанное неприятие конфликтов, приверженность принципам социальной сплочённости, взаимной выручки и толерантности;
- развитие способности к профессиональному и межличностному общению;
- владение коммуникативными навыками для различных условий взаимодействия с окружающими;
- способность понимать и воспринимать этнические, культурные, религиозные традиции и особенности;
- умение и стремление к реализации себя в профессии на международном уровне.

Для достижения целей преодоления противоречий власти необходимо задействовать менеджмент с особыми уровнями и видами специальной подготовки. Соответствующая деятельность осуществляется во взаимодействии с органами государственной власти, коммерческими и некоммерческими организациями в Российской Федерации, а также при осуществлении международных контактов и реализации связей, не противоречащих основному законодательству.

Самостоятельное значение здесь приобретают конкретика и смысловая прозрачность законодательных установлений в стимулировании, обучении, воспитании специалистов. «Юри-

дическая ответственность обладает наиболее высоким уровнем правопобуждения субъектов общественных отношений к следованию в направлении, указанном в законе, преодолевая иные интересы, часто возникающие в отрыве от предписаний закона. Юридическая ответственность побуждает правообязанного субъекта следовать по пути, выраженном в законодательстве. Она образует условия формирования и поддержки правопорядка. Для понимания сущности и содержания юридической ответственности её следует изучать и рассматривать с разных аспектов, что позволит плодотворно использовать этот институт на пути укрепления правопорядка», – пишет отечественный автор Н.А. Духно [6].

На основе законодательно определённых требований, выявляются актуальные и некомпенсируемые свойства системы управления, наличие которых необходимо на каждом конкретном уровне такой системы. Существенным видом для группы свойств является оценка уровня развития социального потенциала как системы управления. Прежде всего, такая оценка необходима для планирования вариантов управления, обучения и подготовки потенциальных руководителей и при перемещении руководителей. В то же время, системный подход предполагает учёт возможности возникновения латентных влияний, определяющих новые, непредсказуемые результаты. В ориентациях на человека, следует учитывать периоды снижения активности и интереса к профессиональной деятельности, повышение неровного напряжения и снижение устойчивости к стрессам.

Общество, в целом, является объектом изучения общей социологической теории, т.е. мегасоциологии, которая посвящена объяснению причин, процессов и последствий масштабных социальных изменений. Всё это еще раз доказывает правильность мнения экспертов О.Т. Богомолова, Е.Е. Румянцевой, В.Д. Попова, что одних только экономических методов для выдвижения гипотез и объяснения выхода из кризисов различной природы недостаточно [2].

Таким образом, для достижения целей преодоления противоречий власти необходимо задействовать менеджмент с особыми уровнями и видами специальной подготовки. На всех уровнях реализации постановлений власти предлагается пропагандировать идеи государственного значения, соблюдать единую основу для разработки и экспертизы правовых актов. На уровнях местного самоуправления актуально изучать и рекомендовать к реализации предложение по вопросам координации в решении общих задач. В сфере отношений власти важно оказывать органам местного самоуправления организационную, методическую и юридическую поддержку. Сюда же мы относим деятельность по созданию и развитию системы подготовки кадров муниципальной службы, проведение научно-исследовательской работы по заданным направлениям и темам. Соответствующая деятельность осуществляется во взаимодействии с органами государственной власти, коммерческими и некоммерческими организациями в Российской Федерации, а также при осуществлении международных контактов и реализации связей, не противоречащих основному законодательству.

Литература:

1. Фролов С.С. Социология организации. – М. : Гардарики, 2001.
2. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние : научные и публицистические заметки обществоведов / рук. проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов. – М. : Институт экономических стратегий, 2010.
3. Попов В.Д. Информационно-психологический фактор современного кризиса. – М., 2009.
4. Румянцева Е.Е. Нравственные законы экономики. – М., 2009.
5. Филиппова М.Ю. Правовое регулирование дисциплины труда работников железнодорожного транспорта Российской Федерации : диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.05 – М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2009.
6. Духно Н.А. Юридическая ответственность как способ укрепления правопорядка // Российский следователь. – 2012. – № 19.

Literature:

1. Frolov S.S. Sociology of organization. – M. : Gardariki, 2001.
2. Non-economic facets of Economics: unknown interaction : scientific and journalistic notes of social scientists / hands. project and science. ed. by O.T. Bogomolov. – M. : Institute of economic strategies, 2010.

3. Popov V. D. Information and psychological factor of the modern crisis. – M., 2009.
4. Rumyantseva E.E. Moral laws of Economics. – M., 2009.
5. Filippova M. the Regulation of the discipline of labor of workers of the railway transport of the Russian Federation : abstract ... candidate of legal Sciences: 12.00.05. – M. : Institute of the legislation and compare. law under the government of the Russian Federation, 2009.
6. Duhno N.A. Legal responsibility as a way to strengthen the rule of law // Russian investigator. – 2012. – № 19.

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК АТРИБУТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВА



SOCIAL INEQUALITY AS AN ATTRIBUTE CHARACTERISTIC OF THE SOCIETY

Зенин Константин Анатольевич

кандидат социологических наук,
доцент, докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
milena.555@mail.ru

Konstantin A. Zenin

Candidate of sociological Sciences,
Associate Professor, Doctoral student,
Nevinnomyssk state Institute
of Humanities and technology
milena.555@mail.ru

Аннотация. В статье отмечается, что социальное неравенство выступает атрибутивной характеристикой общества на протяжении практически всей истории его существования. Имеются неоспоримые факты существования неравенства в социальных системах, существовавших тысячелетия тому назад. Масштабные эксперименты построений социалистических и коммунистических обществ, в том числе и в нашей стране, не дают оснований говорить о полном (или сколько-нибудь значимом) преодолении социального неравенства. Человеческое общество выглядит многоуровневым, сложноорганизованным системным образованием, практически исключающим равенство индивидов, групп, слоев, классов – как необратимого следствия неодинаковой реакции на различные стимулы социума – политические, экономические, социальные, духовные.

Ключевые слова:

социум, социальные группы, социальное неравенство.

Annotation.

The article notes that social inequality is an attribute characteristic of society throughout almost the entire history of its existence. There are undeniable facts of inequality in social systems that existed thousands of years ago. Large-scale experiments in the construction of socialist and Communist societies, including in our country, do not give grounds to talk about the complete (or any significant) overcoming of social inequality. Human society looks like a multi-level, complex system education, practically excluding the equality of individuals, groups, layers, classes – as an irreversible consequence of different reactions to various social incentives – political, economic, social, spiritual.

Keywords:

society, social groups, social inequality.

Социологическая наука, возникнув в середине XIX в., столкнулась с необходимостью поиска ответов на ряд важных вопросов, в том числе – о природе социального неравенства, факторах его генезиса, критериях социальной дифференциации и т.д. На протяжении XIX – начала XX в. Европу потрясли революции, в том числе, и с большим количеством жертв. Данное обстоятельство также отразилось на научном интересе к проблеме неравенства. Развитие и усложнение позднего капиталистического общества диктовали потребность в адекватной оценке социальной структуры общества, преодолении социальных конфликтов и противоречий между социальными классами и группами, а также, безусловно, прогнозировании происходящих изменений. В этой связи следует подчеркнуть, что многие социологические теории социального неравенства, создаваемые в середине XIX – начале XX в. были несвободны от идеологических, ценностных конструктов. Это вполне объяснимо, так как социологи осуществляют научную деятельность в определенном общественном и государственном контексте, что накладывает отпечаток на их работу. Данное обстоятельство необходимо принимать во внимание, рассматривая содержательную суть той или иной теоретической концепции социального неравенства.

В этой связи представляется методологически ценной концептуальная модель, предложенная немецким ученым М. Вебером, автором теории «понимающей социологии». Исследователь выдвинул категорию «идеальных типов» (продукт теоретического воображения, конструируется путем мысленного соединения социальных явлений в целостном социальном образе,

где они достигают «предела» логической взаимосогласованности). Идеальный тип в социологическом исследовании выступает когнитивным «эталонном», посредством сопоставления с которым можно судить о мере удаления или приближения к нему изучаемой социальной реальности. Тем самым, обнаруживать конкретные причины институциональных процессов и социальных явлений, вскрывать тенденции их развития [1].

Необходимо подчеркнуть, что в основе научных концепций социального неравенства определяется дифференциация социальных статусов и ролевых обязательств. По обстоятельствам методологии научного анализа сложных процессов мы полагаем, что социальное неравенство как объект социологического определения, характеризуется глубокой и всесторонней проработанностью. За время существования социологической науки было предложено несколько методологически и методически ценных концептуальных положений. Однако следует отметить, что рассмотренные сами по себе и в том историческом контексте, в котором они были созданы, концепции социального неравенства выглядят совершенно не так, как если бы они были проанализированы в сравнении с «конкурирующими» концептуальными положениями. Именно поэтому важен анализ предпосылок различных теоретических воззрений.

По наиболее общим установкам, социальное неравенство характеризуется таким типом дифференциации, при которой каждый индивид, социальная группа или слой, класс или страта, находятся на различных уровнях вертикальной социальной иерархии. В наиболее общем случае они имеют неравные жизненные перспективы и возможности в удовлетворении потребностей. Граждане не имеют равного доступа к конструктивным параметрам «социального лифта» по условиям ограничения ресурсов материального и духовного потребления. Исторически, люди занимают неоднородным трудом, который различается по оценке его профессиональной, общекультурной востребованности и общественной полезности. Социальное неравенство характеризуется рядом механизмов реализации, например это отношения собственности, власти, социальное разделение труда, социальная дифференциация и т.д. Данные механизмы связаны со специфическими чертами рыночной экономики, конкуренцией в обществе, безработицей. Многие люди, особенно те, кто находятся в нижних социальных стратах, воспринимают социальное неравенство как несправедливость. Рост социального расслоения и неравенства граждан зачастую ведут к увеличению социальной напряженности в социуме, особенно в переходные периоды развития. Примером такой ситуации является современные ситуации в Российской Федерации.

В социологической науке существует многообразие концепций, подходов и парадигм в рассмотрении феномена социального неравенства. Однако еще в трудах античных философов-мыслителей древности появилось стремление к осмыслению расслоения в обществе. Древнегреческий мыслитель Платон считал, что государство делится на два «лагеря» – богатых и бедных, которые находятся в постоянной вражде, при этом их преследуют страхи и неуверенность в будущем. Здоровое общество не должно быть таковым, по мнению Платона, а оно должно основываться на научном знании, проектировании. Такой идеальный социум должен строиться на принципах социальной справедливости, обеспечивать социальную стабильность и дисциплину его граждан [2].

Одной из наиболее известных современных концепций социального неравенства, оказавших серьезное воздействие на практику диагностики социального развития, является марксизм. Зарождение такого направления в социологии, которое изучает проблемы социального неравенства, во многом связано с именем К. Маркса. В ряде своих работ политик и ученый осуществил анализ социальной структуры капиталистического общества, а также условий, необходимых для образования классов. Концепция класса К. Маркса указывает на экономическое неравенство, которое является объективным фактором устройства общества [3]. Здесь социологически значимые проблемы социального неравенства определяются в модуле неоднородности труда и сопутствующих обязательств при его реализации.

В контексте анализа данной темы необходимо сосредоточить внимание и на взглядах родоначальника социологии О. Конта относительно проблемы социальной стратификации. О. Конт стал одним из первых исследователей проблем социального неравенства в новой науке об обществе – социологии. Свою теоретико-методологическую концепцию изучения социального расслоения он изложил в работе «Система позитивной политики». По О. Конту, социальные общности формируются на основе кооперации, которая характеризуется разделением труда. При этом ученый определял разделение труда не только как экономический фактор, но и как фундаментальный социальный факт, который является главным условием социальной жизни. Увеличение размера и сложности социального организма, развитие социальной солидарности сопровождаются повышением значимости разделения труда [4].

Социальная иерархия, по мнению О. Конта, определяется естественным, вечным и неустранимым характером ее функционирования и изменения. При этом, социальное равенство является противоестественным феноменом. Разделение общества на классы и слои следует из необходимой и основополагающей дифференциации управленческих и исполнительских функций. О. Конт выделил две крупные категории классов современного ему общества, которые он обозначал различным образом: руководители и исполнители, патрициат и пролетариат. Внутри данных классов происходит разделение на более мелкие социальные группы. По мнению классика, патрициат включает банкиров, высший и средний слой управляющих финансами, а также предпринимателей, организаторов производства, непосредственно управляющих работами. Критерии власти, престижа и собственности служат основой для выделения классов, с точки зрения О. Конта. Происходит выделение 3 основных классов – производительного, управленческого и создающего духовную сферу общества [5].

По указанным обстоятельствам отмечается возрастание специфической «социальной дистанции» в масштабах социальных ожиданий для представителей разных социальных слоёв. Так, выдающийся российский социолог – П.А. Сорокин определял социальную стратификацию как дифференциацию населения по классам и слоям в иерархическом ранге. Здесь основа и структурные параметры неравенства состоят в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанностей. То есть, возжадаемых к реализации социальных ценностей, аргументов влияния среди членов того или иного сообщества. Конкретные формы социальной стратификации, считает П.А. Сорокин, разнообразны и многочисленны, однако их многообразие сводится к трем основным формам: экономическая, политическая и профессиональная стратификация [6].

Социальная стратификация, согласно мнению классика, развивается как постоянная характеристика любой социально организованной группы. Так, экономическая стратификация, согласно П.А. Сорокину, содержит два основных типа флуктуаций: первый относится к экономическому подъему или падению группы, второй – к росту или сокращению стратификации внутри группы. Политическая стратификация, как считает П.А. Сорокин, также подвержена периодическим колебаниям под воздействием различных факторов. Ученый выделяет основные, наиболее существенно, по его мнению, влияющие на стратификацию размеры политической организации; биологическую (раса, пол, возраст), психологическую (интеллектуальная, волевая, эмоциональная) и социальную (экономическая, культурная, политическая) однородность или разнородность её членов [7].

История развития современных обществ в XX веке ведёт к появлению массового среднего класса (или средних слоев), менеджериального класса, сервисного класса и к другим изменениям социальной структуры. Это потребовало теоретической корректировки и даже пересмотра основных положений классового анализа. Соответствующий пересмотр осуществляется на фоне утверждений о наступлении пост классового состояния общества, а также в параметрах разработки принципиально новых теорий социальной дифференциации и социального конфликта. Примером таких теорий являются социологические концепции Т.Х. Маршалла, Р. Дарендорфа, Э.О. Райта [8].

Для установок наследования и исторической подвижности неравенства в социологии очевидна социально-инженерная направленность концептуальных представлений. Однако проблема социологической науки, как нам представляется, заключается зачастую в отсутствии устойчивых практик взаимодействия с управленческими структурами. Именно отсутствие достоверных, научно-обоснованных знаний нередко объяснялись социальными катаклизмами, произошедшие в XX в. во многих странах, в ряде случаев приведшие к социальным революциям.

Феноменальность социального неравенства позволяет не только диагностировать ситуации кризиса в развитии общества, но и обосновать варианты предотвращения и преодоления такого рода диагнозов. Таким образом, мы можем отметить многообразие исследовательских подходов к рассмотрению социального неравенства в мировой социологической мысли. Необходимо выделить наиболее общие черты большинства социологических концепций к изучению социального неравенства – неизбежность и необходимость для любого общества на различных этапах исторического развития, изменение его форм и степени на протяжении истории человеческого социума.

Литература:

1. Социология: Словарь-справочник / под общ. ред. Ю.Г. Волкова. – Краснодар, 2006. – С. 293–294.
2. Нерсисянц В.С. Платон. – М., 1984. – С. 78.

3. Алексеенок А.А., Ухорский М.В. Исследование социального неравенства структуры общества в трудах зарубежных ученых // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2014. – №1. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sotsialnogo-neravenstva-struktury-obschestva-v-trudah-zarubezhnyh-uchenyh> (дата обращения: 23.12.2015).
4. Конт О. Дух позитивной философии : Слово о положительном мышлении / пер. с фр. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – Изд. 2-е. – С. 12.
5. Конт О. Дух позитивной философии : Слово о положительном мышлении / пер. с фр. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – Изд. 2-е. – С.57.
6. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – Серия: Мыслители XX века. – С. 114.
7. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – Серия: Мыслители XX века. – С. 117.
8. Добринская Д.Е. Социальное неравенство и теории классов: концепции Томаса Х. Маршалла, Ральфа Дарендорфа, Эрика О. Райта : дис. ... канд. соц. наук. – М., 2010.

Literature:

1. Sociology: the Dictionary-directory / under the General editorship of Yu.G. Volkov. – Krasnodar, 2006. – P. 293–294.
2. Nersesyants V. C. Plato. – М., 1984. – P. 78.
3. Alekseenok A.A., Ugorski M.V. a Study of the social inequality structure of society in the works of foreign scientists // Izvestiya TulGU. Humanities. – 2014. – № 1. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sotsialnogo-neravenstva-struktury-obschestva-v-trudah-zarubezhnyh-uchenyh> (date accessed: 23.12.2015).
4. Comte O. Spirit of positive philosophy : the Word on positive thinking / per. with fr. – М. : Book house «ЛИБРОКОМ», 2011. – Ed. 2. – P. 12.
5. Comte O. Spirit of positive philosophy : the Word on positive thinking / per. with fr. – М. : Book house «ЛИБРОКОМ», 2011. – Ed. 2. – P. 57.
6. Sorokin P.A. Social stratification and mobility // Man. Civilization. Society. – М., 1992. – Series: Thinkers of XX century. – P. 114.
7. Sorokin P.A. Social stratification and mobility // Man. Civilization. Society. – М., 1992. – Series: Thinkers of XX century. – P. 117.
8. Dobrinskaya D.E. Social inequality and class theories: concepts of Thomas H. Marshall, Ralph Darendorf, Eric O. Wright : dis. ... kand. soc. sciences'. – М., 2010.

**РАЗВИТИЕ ЗАМКНУТОГО ГОСУДАРСТВА,
СОПРОВОЖДАЮЩЕЕСЯ ДИНАМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ
ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ**



**THE DEVELOPMENT OF A CLOSED STATE,
ACCOMPANIED BY THE DYNAMIC DEVELOPMENT
OF ITS FUNCTIONAL COMPONENT**

Исламов Ферзилах Исламович

кандидат социологических наук,
доцент, докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
milena.555@mail.ru

Verzila I. Islamov

Candidate of sociological Sciences,
Associate Professor, Doctoral student,
Nevinnomyssk state Institute
of Humanities and technology
milena.555@mail.ru

Айрапетов Александр Витальевич

кандидат социологических наук,
докторант кафедры
философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
milena.555@mail.ru

Alexander V. Airapetov

Candidate of sociological Sciences,
Doctoral student of the Department
of philosophy and sociology,
Adygei STATE University
milena.555@mail.ru

Апанасенко Федор Евгеньевич

соискатель
кафедры философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
milena.555@mail.ru

Fedor E. Apanasenko

Candidate of the Department
of philosophy and sociology,
Adygei STATE University
milena.555@mail.ru

Аннотация.

Наиболее динамичный уровень протекания социальных изменений – уровень индивидуальных процессов, что связано с высокими показателями вариативности проявления отдельной личности и наличием гражданских свобод. Вместе с тем, уровень индивидуальных социальных процессов реализуется двояким образом – в форме межличностной коммуникации и частных форм взаимодействия, с одной стороны, и в форме включенности индивидуальной деятельности в социальные схемы более высокого порядка, с другой.

Ключевые

слова:

общество, государство, закрытые и открытые системы, социологический анализ.

Annotation.

The most dynamic level of social change is the level of individual processes, which is associated with high rates of variability in the manifestation of the individual and the presence of civil liberties. At the same time, the level of individual social processes is realized in two ways – in the form of interpersonal communication and private forms of interaction on the one hand and in the form of inclusion of individual activities in social schemes of a higher order.

Keywords:

society, state, closed and open systems, sociological analysis.

Теория открытых и закрытых систем, применяемая в отношении общества, раскрывает достаточно интересную исследовательскую перспективу в зависимости от масштаба рассмотрения. Карлом Поппером была произведена попытка горизонтального рассмотрения феномена открытой социальной системы в приложении к тематике политического взаимодействия. Иными словами, он рассмотрел отдельные государства в качестве систем, внешней средой для которых являются другие политические единицы [1]. Такой подход, в определенной степени, оправдан тем, что внешнеполитическая арена сохраняет целый ряд признаков, характерных для

внешней по отношению к системе среды, таких как относительная независимость, наличие структурных различий, формирование входящих агрессивных воздействий, стремление к поглощению локальной системы на различных уровнях. При этом, между отдельными политическими силами реализуется процесс, наиболее емко ухватываемый посредством аналогии с рыночной конкуренцией: имеет место как стремление к приобретению максимального доступного уровня влияния, так и борьба за различного рода ресурсы. Этот процесс конкурентного развития, борьбы за сферы влияния, а также перераспределения ресурсов рассматривался Поппером в качестве основания жизнеспособности общественной структуры, поскольку в качестве альтернативы автор рассматривал постепенное угасание внутренней динамики общественной структуры, связанное с ее замкнутым и, соответственно, статичным характером. С точки зрения синергетики данный процесс можно охарактеризовать как постепенное повышение уровня энтропии в системе, результатом которой становится ее постепенная стагнация, выход из состояния динамического функционирования важнейших внутренних структур. Одним из примеров такой застывшей социальной структуры может послужить экономическая система Советского Союза, крах которой в конечном итоге привел к распаду СССР. С этой позицией все, на первый взгляд, просто и ясно – замкнутость советской державы в конечном итоге стала тем основанием, которое не позволило ей пережить нарождающиеся кризисные тенденции. Однако подход, рассматривающий исключительно моменты внешнего взаимодействия политической системы с другими аналогичными структурами, как критерий ее открытости, является несколько однобоким. Для того, чтобы проиллюстрировать это, обратимся к тематике структуры социальных процессов.

В обществе реализуется несколько уровней приложения социальных процессов – индивидуальный, групповой, институциональный, общесоциальный [2]. Для каждого из перечисленных уровней характерно наличие специфической, адаптирующейся по отношению к изменению внешних условий, структурной динамики [3]. Иными словами, механизмы социальной адаптации для различных уровней общественной организации неодинаковы. При этом, справедливо следующее соотношение: чем выше порядок объекта адаптационных изменений, тем более длительным будет процесс его адаптации, поскольку произведение трансформации предполагает изменение структуры определенного процесса или явления, которое, будучи по сути своей динамичным и практически ориентированным, будет стремиться с помощью доступных ресурсов восстановить свою целостность.

Локализация индивидуальных процессов до недавнего времени определялась географическим положением субъекта общественных отношений, однако, развитие информационных технологий привело к ситуации, когда члены общества приобрели возможности по удаленному взаимодействию, что ознаменовало постепенное стирание территориальных границ в ходе процессов коммуникации. Универсальный характер коммуникативных процессов является тем основанием, которое определяет внеположенность индивидуальных процессов по отношению к определенности государственных структур. На групповом уровне реализуется та же тенденция – с одной стороны, имеет место момент локальной определенности отдельных групп, с другой – результаты групповой деятельности могут выходить далеко за рамки территориальных границ конкретного государства. В наибольшей степени данная тенденция охватывает институциональные социальные структуры: не только их деятельность, но и локализация могут носить международный характер. В совокупности это представляет собой непосредственную реализацию процессов глобализации. Нас в данном отношении интересует вопрос о том, что остается фиксированным на уровне политической структуры государства? И здесь мы приходим к следующему существенному выводу: на уровне государственной структуры реализуется не столько процесс ограничения распространения социальных взаимодействий, сколько момент определения структуры и общих характеристик участников взаимодействия, относящихся непосредственно к рассматриваемому политическому образованию [4]. Иными словами, государство регламентирует наиболее значимые социальные характеристики существующих в его рамках людей, групп и институциональных организаций. Это определяет такой специфический аспект международного взаимодействия, как сохранение структурных различий локальных общественных образований, а также их культурной и этнической идентичности. Вместе с тем, современное общество организовано таким образом, что локальная социальная система испытывает деформирующее воздействие не только извне, в рамках непосредственной политической деятельности, но и изнутри, посредством социальной активности носителей альтернативных моделей общественного устройства. Причем речь идет не о революционной деятельности и попытке совершения захвата власти нелегитимными методами, но о постепенном вытеснении сложившейся внутри общества системы отношений воспринятыми извне моделями.

Обращаясь к тематике закрытых и открытых систем, следует отметить, что для политической системы в качестве внешней среды выступает не только совокупность других государств, но также и существующие внутри общества люди, являющиеся носителями различных моделей и форм социального взаимодействия, а также институциональные организации, на уровне которых имеет место постепенное проведение корпоративной политики, направленное на минимизацию воздействия специфических условий, характерных для конкретной страны.

Данное положение в значительной степени созвучно произведенному Т. Парсонсом делению социальной структуры: общество представляет собой уже не столько совокупность людей, сколько систему отношений между ними, при этом существуют социальные образования различного порядка, частично или полностью подчиняющиеся интересам социальной структуры. Обнаруживается интересная тенденция: общество стремится к интеграции, однако одновременно реализуется набор процессов, по своему векторному развитию направленный на разрешение собственных задач. Это определяет сложность социального процесса и его противоречивый характер.

Главным выводом в данном случае является то, что общество принципиально невозможно рассматривать в качестве закрытой системы. На территориальном и информационном уровне отдельная политическая система может быть изолирована от других, однако, это не имеет решающего значения, поскольку управляемая структура локального общества представляет собой лишь одну из сфер общественной жизни. Население государства представляет собой носителей сложившейся в ее рамках общественной структуры. Однако общество – не люди, оно представляет собой скорее смысловое поле взаимодействия. Отсюда проистекает важная идея. Поскольку социальные контакты в настоящее время не ограничиваются территориальными или географическими факторами, наиболее важный вопрос связан с тем, насколько мощной внутренней регуляцией может быть подвергнута структура общества со стороны органов политической власти. Это связано с тем, что между локальным государством и общественной структурой обнаруживается противоречие, результатом которого может стать либо поглощение функциональности государства, либо формирование динамического равновесия между государственной и социальной структурой, либо подавление государственным аппаратом противоречащих его векторной направленности социальных тенденций (что примечательно, застой в развитии СССР связан не столько с его территориальной замкнутостью, сколько с тем, что жесткий административный аппарат СССР практически подавил естественную функцию регуляции общественной структуры). Также представляет интерес вопрос о том, предвещают ли перспективы глобальной трансформации формирование статичного, неспособного к социальным инициативам государства, или же речь идет о возможности формирования динамичного, развивающегося, но политически целостного общества?

На наш взгляд, именно многоуровневый характер общественной структуры является тем основанием, которое может сделать возможным существование и развитие замкнутого государства, сопровождающееся динамическим развитием его функциональной составляющей. Вместе с тем, жизненно необходимым в данном отношении является установление динамического баланса между структурой естественных социальных процессов и централизованной государственной системой управления.

Литература:

1. Поппер К. Открытое общество и его враги. – URL : http://krotov.info/lib_sec/16_p/pop/per_1.htm
2. Парсонс Т., Система современных обществ / пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М. : АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – 873 с.

Literature:

1. Popper K. Open society and its enemies. – URL : http://krotov.info/lib_sec/16_p/pop/per_1.htm
2. Parsons T., System of modern societies / per., with English L.D. Kovaleva and L.A. Sedova; Ed. by M.S. Kovaleva. – M. : Aspect Press, 1998.– 270 p.
3. Merton R. Social theory and social structure. – M. : AST: the AST Moscow: the Keeper, 2006. – 873 p.

**СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ КАК ПРОИЗВОДНАЯ
ОТ АКТИВНОСТИ ИНДИВИДОВ И СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП**



**SOCIAL ACTION AS DERIVED FROM
THE ACTIVITY OF INDIVIDUALS AND SOCIAL GROUPS**

Мусаев Алик Растамович

соискатель кафедры
профессионального обучения,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
milena.555@mail.ru

Alik R. Musayev

Applicant of the Department
of Vocational training,
Nevinnomyssk state
humanitarian and technical Institute
milena.555@mail.ru

Зиятдинова Юлия Ефимовна

доктор социологических наук,
профессор, старший научный сотрудник,
НИИ ФСИН
milena.555@mail.ru

Julia E. Ziyatdinova

doctor of sociological Sciences, Professor,
Senior researcher,
Institute of the Federal Penitentiary service
milena.555@mail.ru

Гришай Владимир Николаевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры экономики,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
milena.555@mail.ru

Vladimir N. Grishay

doctor of social Sciences, Professor,
Professor of Economics Department,
Essentuki Institute
of management, business and law
milena.555@mail.ru

Аннотация. Изменения в основаниях социальной стратификации конкретного общества комплексно отражают каждый новый этап соответствующей реальности. Квалифицирующими основаниями здесь выступает достаточно традиционный формационный набор. Это экономика, культура, политика, духовное содержание социума. В свою очередь, квалификация заявляется через объективные и субъективные характеристики, как ценностные установки носителей конкретного качества в вышеуказанных сферах жизни общества.

Ключевые

слова:

Annotation.

социальная коммуникация, расслоение общества, социальный институт.

Changes in the foundations of social stratification of a particular society comprehensively reflect each new stage of the corresponding reality. Qualifying reason here is quite traditional formational set. This economy, culture, politics, spiritual content of society. In turn, the qualification is declared through objective and subjective characteristics, as the values of the carriers of a particular quality in the above areas of society.

Keywords:

social communication, stratification of society, social institution.

Следует считать достаточно очевидным, что характер каждой действующей системы социальной стратификации задаётся людьми. И прежде всего – носителями и выразителями наиболее авторитетных идей и ценностных ориентаций. В то же время, следование предзаданному идеалу не всегда ведёт общество к совершенству. История глобального социума сама является достоверным подтверждением данного тезиса. В разное время и в разных странах, регионах реальностью становилась стратификация по признакам цвета кожи, несовпадающим религиозным представлениям, уровням богатства, бедности, образования, предпочтениям власти и по иным признакам. Обращение социологии к историческим фактам открывает внутренний механизм обстоятельств, отражающих динамику становления и развития признаков кон-

кретной социальной структуры. Статистическая оригинальность этих обстоятельств заключается в том, что даже откровенно несправедливое устройство государства или общества могло оставаться без изменений на протяжении многих десятилетий или даже веков. Рабовладение, тоталитаризм, крайние формы религиозного фанатизма и т.п. могли длительно восприниматься большинством, как естественный и неизменный порядок мироустройства. Сохраняет актуальность тезис М.Вебера для определения социального действия, а именно: «...следует называть такое, которое по своему смыслу, подразумеваемому действующим или действующими, отнесено к поведению других и этим ориентировано в своём протекании» [1].

В соответствии с устоявшейся в науке традицией, смену общественно-экономических формаций принято рассматривать как прогресс глобального социума. Однако в ожиданиях высшей справедливости для всех, к прогрессу трудно отнести чередование одних форм несправедливости с последующими, к которым следует отнести и этатрастические системы, построенные на властных иерархиях и формальных рангах.

Наибольшее практическое значение в стратификации современных обществ отводится экономическим, финансовым построениям. Традиция, успешно преодолевшая века, относит к представителям высших уровней социальной иерархии наиболее богатых граждан (список Forbes, владение масштабной или эксклюзивной собственностью и т.п.). В то же время, сохраняют самостоятельное значение и религиозный фанатизм, и творчество в сфере искусства, и уникальность в профессии.

Лидерство и авторитет являются многозначными понятиями. Как к предмету научного анализа, к ним охотно и успешно обращаются история, религиоведение, политология, представители других гуманитарных и даже естественных наук. В категориальных построениях для институциональной социологии, прежде всего, актуальны факты, как реальная основа развития новых форм социального расслоения по признакам самореализации масс под влиянием авторитетных лидеров, идей, ценностных установок.

В рассматриваемом аспекте наиболее привлекательны не только практические результаты и достижения, но и разнообразные теории, в том числе и не реализуемые на практике, но составляющие содержание целевых установок для массовых ожиданий. Речь здесь идет о том, что несомненна практическая польза от новых изобретений, достижений науки и техники. Новые материалы, приборы, производства закономерно улучшают жизнь большинства людей. На этой основе создаются новые стратификационные уровни. Появляются и усложняются новые профессии, а также формы занятости, коммуникации, дифференциации социальных групп и обществ. Известно, что в современном мире представлены десятки тысяч видов профессиональной деятельности. Процессы формирования профессий, их изменения и исчезновения стали значительным фактором развития глобального социума. Интересно, что в современной России насчитывается большое количество профессиональных дат и праздников (количеством до 300). А за каждым таким символом отмечается сложно стратифицированное профессиональное, межпоколенческое сообщество в составе групп влияния и групп интересов.

Наряду с указанными обстоятельствами, свой существенный вклад в динамику новых форм социального расслоения вносит и сфера нематериального, а именно – духовного производства. Это религия, видовое и жанровое разнообразие сферы искусства, традиции, обычаи, национальные, этнические предпочтения. При детальном рассмотрении, граница между материальным и нематериальным может оказаться весьма расплывчатой, но детализация этих сходств и расхождений не относится к предмету данного анализа. Здесь наиболее важно условие социального расслоения, ориентированное на появление новых общественных страт на основе нематериальных, нефинансовых приоритетов индивидов и социальных групп.

По нашим наблюдениям, представители власти, хозяйственно-экономической элиты часто становятся объектом массового скептицизма, критики и насмешек. Тем не менее, представители разных уровней бюрократии, олигархических структур и клановых объединений остаются преобладающими и реальными носителями форм власти и норм законодательства. Даже оставаясь в статистическом меньшинстве. В то же время, количественные характеристики этого слоя не ограничиваются собственно персоналиями из состава элит. На новые уровни стратификации элитные группы привлекают и своё специфическое «сопровождение». В последние десятилетия в России обновилась, казалось бы, ушедшие в историю профессии прислуги, охранников, профессионалов в секторе дорогих и сверх дорогих услуг и т.п., а обновлённое качество элитных и сопутствующих им групп позволяет рассматривать в социологии процессы образования новых структур. За новым качеством предсказуемо следует возрастающее количество, что, в свою очередь, позволяет вести речь о новых стратификационных уровнях,

заполняемых достаточно быстро. Потенциал расширения здесь далеко не исчерпан. Стремление считать себя отнесённым не ниже чем к «среднему слою» характерно для представителей различных возрастных групп и уровней достатка, а не только для вступающей во взрослую жизнь молодёжи. Для отечественных условий отмечаем столь же быстрое «истончение», ранее весьма содержательных стратификационных слоёв, которые составляли рабочие заводы и фабрики, труженики колхозов и совхозов. Исходные причины здесь финансово-экономические, на уровне переориентация внутреннего рынка на импортное замещение по большинству групп товаров. Однако такая, кардинальная смена идеологических приоритетов, в настоящее время показывает, что статус, предписываемый не во всех случаях, оказывается гарантией для высоких мест в общественной иерархии.

Формальное изменение должностной, профессиональной стратификационной структуры воспринимается, чаще всего, более ровно, чем утрата или искажение духовных идеалов или разочарование в образцах. Дифференциация доходов индивидов и групп населения не рассматривается как препятствие к обретению и утверждению высокого социального статуса «малоимущих». Соответственно оформлению новых стратификационных структур может успешно реализоваться мотивами идеалистическими, привязанностями и предпочтениями не материальными, не коммерческими, не управленческими и даже не правовыми.

Обострённое чувство моральности, нравственных оценок и осознания справедливости-несправедливости составляет естественный фон формирования массового сознания для самых разных исторических периодов. Но этот набор также и «размывает» временные и пространственные различия между народами и общественными формациями, сохраняя проносимую через века тягу социума к добру и высшим формам справедливости.

В рассматриваемой проекции, ожидания прошедших десятилетий связаны с формированием российского среднего слоя. Научное определение среднего слоя как однозначной и всех удовлетворяющей категории в современной науке ещё не оформлено. Сопоставление наиболее общих подходов позволяет сформулировать такие же наиболее общие трактовки. В идеале, который, впрочем, также не позволяет оформить устойчивую дефиницию, средний слой составляют социальные категории высокообразованных, инициативных, творчески ориентированных людей. Как особый класс средний слой должен обеспечивать стабильность общества и его динамичное развитие.

Научное осмысление ведущих тенденций социального расслоения составляет предмет исследовательского интереса у многих отечественных социологов. В этой связи интересно мнение профессора С.С. Фролова, полагающего, что одной из наиболее приемлемых в современной социальной теории считается стратификационная модель, обоснованная социологом Н.М. Римашевской. Ею выделены следующие социально-классовые группы:

- группы высших элит государственного уровня, характерным признаком которых стало влияние на власть и законодательство, прежде всего, за счёт обладания собственностью в размерах, сопоставимых с параметрами министерского и отраслевого масштаба;
- элиты регионального, корпоративного уровня, обладающие значительными финансовыми ресурсами и возможностями влияния на уровне регионов и хозяйственных секторов;
- специфический «верхний средний класс», распоряжающийся собственностью и доходами, обеспечивающими привилегии на уровне западных стандартов потребления, как и притязания на повышение своего статуса;
- собственно средний класс как содержание страты, обладающей ожидаемыми доходами-пропорционально трудовому и творческому вкладу в профессию, ориентированной к обеспечению, как среднего уровня, так и более престижных стандартов потребления, отличающейся социальной активностью, достаточно высокой лояльностью к действующей власти и законодательству;
- разнообразные по составу группы, изначально характеризующиеся как низкой адаптацией и социальной активностью, так и невысокими доходами, неустойчивой ориентацией на самореализацию в объекте стратификационных предпочтений и их достижения;
- представители стратификационных горизонтов низкого уровня, дифференцируемые по признакам низкой социальной адаптации, регулярно заполняющие многомерные уровни внутри этой страты по признакам асоциального поведения различной интенсивности;
- рационально ориентированный криминалитет, реализующий высокую активность в проведении собственной финансовой, хозяйственной, культурной, национальной и т.п. политики, как правило, ускоренно адаптируемый к изменениям ценностей социума, в сочетании собственных законов и законов официального права, для достижения целей коррупционной коммуникации [2].

Наряду с несомненными достоинствами, предлагаемый перечень не отражает граничных и переходных состояний между уровнями стратификации. Выделим не менее двух. Во-первых, это ожидания от целевых установок развития как стремление к переходу в более высокие стратификационные слои. Во-вторых, повышение своего уровня в социальной иерархии через духовные ориентации к освоению не материальных ценностей. Самостоятельное значение в такой динамике имеет сознательное снижение ценности целевых установок индивидуального развития, ведущее к переходу на более низкие уровни социальной иерархии. А также выделим социологически значимые и доступные для научного анализа факторы неуспешной самореализации индивидов и групп,

В качестве вывода, по нашему мнению, следует, что новые формы социального расслоения как по вертикали, так и по горизонтали, ориентированы не только к трансформации сферы хозяйства и финансов, модернизации производства, технологическому обновлению, появлению новых профессий. Социальные перспективы чаще связаны с ситуациями неопределённости. При этом различные виды ценностных ориентаций ведут к выделению новых форм социального расслоения. Социальное действие, как производная от активности индивидов и социальных групп, отражает ограниченный модуль социального контроля. Следовательно, для новых форм социального расслоения актуально исследование перспективных структурных признаков общества.

Литература:

1. Вебер Макс. О некоторых категориях понимающей социологии. – М. : Прогресс, 1990. – С. 24.
2. Римашевская Н.М. Человек и реформы: Секреты выживания. – М., 2003. – С. 90–92.

Literature:

1. Webber Max. On some categories of understanding sociology. – М. : Progress, 1990. – P. 24.
2. Rimashevskaya N.M. Person and reforms: Secrets of survival. – М., 2003. – P. 90–92.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИА ПРЕДПОЧТЕНИЙ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ АУДИТОРИИ



SPECIFICS OF SOCIOLOGICAL STUDY OF MEDIA PREFERENCES OF THE TELEVISION AUDIENCE

Попова Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент,
начальник отдела по исследованию
проблем отраслевого управления,
научно-исследовательский центр
Академии управления МВД России
milena.555@mail.ru

Tatiana V. Popova

Candidate of law, Associate Professor,
Head of research
Department of branch management,
research center
of the Academy of management
of the Ministry of internal Affairs of Russia
milena.555@mail.ru

Товмасын Григорий Артурович

соискатель кафедры
философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
milena.555@mail.ru

Gregory A. Tovmasyan

Candidate of the Department
of philosophy and sociology,
Adygei STATE University
milena.555@mail.ru

Скворцов Дмитрий Владиславович

кандидат юридических наук,
доцент, докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
milena.555@mail.ru

Dmitry V. Skvortsov

Candidate of law, Associate Professor,
Doctoral student,
Nevinnomyssk state
humanitarian and technical Institute
milena.555@mail.ru

Аннотация. Прикладные социологические исследования медиа предпочтений телевизионной аудитории опираются на ряд методик, позволяющих оптимизировать процесс сбора первичной информации. Однако существующие в настоящее время методики не являются оптимальными, так как имеют не только неплохие возможности сбора информации, но и ограничения, «слабые места». Так, три самые распространенные методики: дневниковые исследования, применение аудиометра, использование пиплметра – позволяют получать объективные данные о медиа предпочтениях телевизионной аудитории. Эти методики доказали свою работоспособность и используются исследовательскими компаниями. Однако каждая методика, взятая в отдельности, является неоптимальной и, в некоторой степени, ограниченной. Кроме того, все три отмеченные методики относятся к количественным методам исследования, что также накладывает свой отпечаток на итоговые результаты.

Ключевые

слова:

Annotation.

массовые коммуникации, информационное поле, телевидение.

Applied sociological research of media preferences of television audiences based on a number of methods that allow to optimize the process of collecting primary information. However, currently existing methods are not optimal because they have not only a good opportunity of collecting information, but also limits, the "weak points". So, the three most common methods: diary studies, the use of audiometry, the use of a peoplemeter – allow to obtain objective data on media preferences of television audiences. These methods proved their efficiency and are used by research companies. However, each technique taken individually, is suboptimal and, to some extent, limited. In addition, all three marked methods are quantitative methods that also affects the final results.

Keywords:

mass communication, information field, TV.

Успех коммуникативного воздействия (реклама, PR-мероприятия, пропаганда, манипуляция сознанием и т.д.) во многом зависит от правильно выбранного средства распространения сообщения – определенного телеканала, передачи, времени выхода в эфир. Даже сконструированное с учетом социокультурных, жизненно-стилевых особенностей целевой аудитории сообщение может оказаться совершенно не эффективным, если его не увидят ее типичные представители. Таким образом, основной задачей специалистов, занимающихся планированием размещения сообщений, выбором места и времени в средствах коммуникации состоит в том, чтобы выбрать те телеканалы и передачи, которые обеспечат сообщению наибольшую вероятность быть «замеченным» целевой аудиторией.

Критерием оценки привлекательности телевизионной программы, по мнению Дж. Дэвиса, является объем ее зрительской аудитории. Существует два параметра, характеризующих объем аудитории: доля телеаудитории и рейтинг телепередачи. Доля телеаудитории – относительный показатель, отражающий способность телепередачи привлечь зрителей по сравнению с другими, выходящими в эфир в то же время. Доля телеаудитории вычисляется делением количества лиц или домохозяйств, настроивших телевизоры на определенную программу, на количество всех лиц или семей, включивших телевизоры в этот час, и показывает, какой процент от общей аудитории активных телезрителей был привлечен определенной программой или телеканалом.

Относительно рейтинга телепередачи следует отметить, что это абсолютный показатель. Под рейтингом телевизионной передачи подразумевается процент всех лиц или домохозяйств в определенном географическом районе, телевизоры которых были настроены на конкретную передачу в момент ее демонстрации. Рейтинг вычисляется делением количества лиц или домохозяйств, настроивших телевизоры на определенный канал, на общее количество лиц или домохозяйств, в которых имеются телевизоры, и отражает процент от общей потенциальной аудитории, приходящейся на определенную передачу или телеканал [1].

Оба параметра вычисляются в виде отношения. В числителе каждого отношения находится реальное количество лиц или домохозяйств, просматривающих передачу. Значение знаменателей у каждого показателя свое. При подсчете доли – это общая реальная зрительская аудитория. Знаменателем в пропорции, с помощью которой определяется рейтинг передачи, служит потенциальная зрительская аудитория. При количественном определении общей реальной зрительской аудитории используется технический термин КАТ (количество активных телезрителей или теледомохозяйств). Технический термин при измерении общей потенциальной зрительской аудитории – КИТ (количество людей или домохозяйств, у которых имеются телевизоры).

Существуют три базовых метода сбора данных для определения телевизионного рейтинга: дневниковый, с помощью аудиометра и с помощью счетчика телезрителей (пиплметра). Первые два метода применяют для количественного определения местной аудитории, в то время как с помощью пиплметра измеряется рейтинг телевизионных передач на общенациональном уровне.

Подсчет рейтинга с помощью дневников – самый старый метод прикладных социологических исследований. Каждого члена домохозяйства просят записывать в дневник, что он смотрит по телевидению. День в дневнике разбивается на 15-минутные временные интервалы. Каждый член домохозяйства записывает название станции, номер канала и название просмотренной по телевизору передачи. Однако этот метод достаточно трудоемкий для респондентов, требует временных и интеллектуальных затрат. При реализации этого метода возникает ряд затруднений, связанных с ошибками респондентов при заполнении дневника.

Подсчет рейтинга с помощью аудиметра. Аудиметр – это прибор, который подключается к телевизору и автоматически фиксирует состояние телевизора (включен или выключен) и просматриваемый канал. Записи аудиметра в сравнении с записями в дневниках по определению не содержат ошибок в ответах, так как при использовании прибора респондентам нет необходимости тратить силы на заполнение дневника, припоминание того, что они смотрели, какие цифры набирали, какие буквы содержит название телеканала, как называлась программа и т.д. Следовательно, с помощью этих приборов собирается точная информация о рейтинге и доле аудитории, но, в отличие от дневникового метода, отсутствует возможность собрать данные для определения рейтинга и доли по конкретным демографическим группам. Используя аудиметры, исследователи собирают количественные характеристики зрительской аудитории конкретных местных рынков на протяжении года.

Для отбора целевых семей применяют многоступенчатый вероятностный отбор. Дневники для каждого из телевизоров в рабочем состоянии рассылаются в домохозяйства, которые согласились участвовать в опросе. Кроме того, дневники высылают почтой домохозяйствам,

отказавшимся от участия в опросе, номера телефонов которых внесены в телефонный справочник, а также домохозяйствам, где никто не ответил на 5 телефонных звонков в течение 2-х дней в разное время днем и вечером. Вместе с дневником в рассылочный пакет вкладывают определенную сумму в качестве денежного вознаграждения. Чтобы снизить частоту отсутствия контакта с неуказанными в справочнике представителями аудитории, предпринимают 10 попыток связаться по каждому из телефонных номеров.

Подсчет рейтинга с помощью счетчика телезрителей (пиплметра). Рейтинг телевизионных программ в национальном масштабе подсчитывается с помощью пиплметра. Это электронное устройство напоминает блок для кабельного телевидения с дистанционным управлением. Каждый пиплметр запрограммирован индивидуально и содержит личные данные каждого члена домохозяйства: возраст, пол и другие демографические признаки. В момент включения телевизора пиплметр автоматически фиксирует просматриваемую программу.

Член семьи, включивший телевизор, и другие члены домохозяйства, находящиеся в комнате, нажимают отдельные, индивидуально закрепленные за ними кнопки на пульте дистанционного управления счетчика. Таким образом, прибор подсчитывает каждого (зафиксированного нажатием кнопки) человека, записывая его в разряд зрительской аудитории данной программы. Выходя из комнаты, члены семьи нажимают другую кнопку, тем самым сообщая, что они больше не являются представителями телевизионной аудитории. Программа пиплметра предполагает также учет гостей домохозяйства, которые вводят свои демографические данные вручную.

Пиплметр был введен компанией A.C. Nielsen с целью устранения недостатков, присутствующих в дневниковом методе (например, чтобы устранить привычки некоторых людей не записывать просмотренные передачи или фиксировать их несколько дней спустя), и методу подсчета аудитории с помощью аудиметра (например, для получения представления о демографических характеристиках зрительской аудитории, что невозможно сделать с помощью аудиметра). Вводя пиплметр, авторы метода надеялись, что недостатки в подсчетах аудитории зрителей будут устранены, так как устройство определяет, какие передачи просматривались и кто их смотрел.

Однако нельзя сказать, что их надежды полностью оправдались – подсчет аудитории с помощью пиплметра сопряжен с проблемами и вызывает немало споров. Методологические просчеты связаны с отбором домохозяйств и их участием в исследованиях. Чтобы данные, сообщенные с помощью пиплметра, были репрезентативными, и их можно было обобщить на все население страны, выборка обязательно должна быть случайной. Однако низкая доля принявших участие (менее половины опрошенных домохозяйств согласились принять участие в исследовании), замена отказавшихся от участия домохозяйств другими с помощью процедур, носящих неслучайный характер, привели к тому, что выборка перестала быть действительно репрезентативной, и потенциально обладала высокой степенью смещения и искажения.

Кроме того, эффектом «усталости от счетчика» называли возрастающую со временем в панельных группах предрасположенность не нажимать кнопок и не передавать сообщений о своем присутствии в рядах телезрителей. Была установлена зависимость: чем дольше представитель выборки участвует в исследовании, тем меньше количество просмотренных им передач [2].

Телевизионные каналы и кабельные сети используют данные о рейтинге передач, чтобы устанавливать тарифы на размещение в них рекламы. В целом, если у передачи высокий рейтинг, соответственно назначают и высокие расценки на демонстрацию рекламы в ней. Однако поскольку разные передачи позволяют охватить различное количество лиц или домохозяйств (аудитории передач отличаются абсолютным объемом), медиапланировщики и медиапокупатели оценивают стоимость размещения видеоролика в передаче относительно некоторого фиксированного числа лиц или домохозяйств. В медиапланировании постоянным является параметр «затраты на донесение рекламы до аудитории в одну тысячу человек», то есть средства, использованные для охвата рекламой 1000 человек или домохозяйств при размещении ее в определенной телепередаче.

Также стоит коснуться этических вопросов, связанных с манипулированием рейтингом телеканалов и телепрограмм. Во время месячников по измерению объема телеаудитории некоторые телеканалы демонстрируют специальную программу передач, которая гораздо привлекательнее обычной. Это осуществляется для того, чтобы увеличить объем своей аудитории. К разряду неэтичных мероприятий также можно отнести следующие:

- 1) исследовательские опросы, постановка вопросов которых требует или подразумевает, чтобы потенциальный респондент смотрел программы конкретного телеканала;
- 2) любые обращения, в которых в явной или скрытой форме упоминается о практике ведения или возвращения заполненных дневников, специфике работы аудиметров и пиплметров;

3) конкурсы, розыгрыши призов, сообщение результатов прошлых розыгрышей или специальные акции, проводимые во время измерения объема зрительской аудитории.

Таким образом, можно предположить, что в ближайшем будущем социологи могут разработать и новые методики сбора информации о медиа предпочтениях телевизионной аудитории, так как ныне существующие не удовлетворяют в полной мере ни самих исследователей, ни заказчиков.

Литература:

1. Дэвис Дж. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика / пер. с англ. – М., 2003. – С. 735–736.
2. Дэвис Дж. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика / пер. с англ. – М., 2003. – С. 740–741.

Literature:

1. Davis J. Research in advertising: theory and practice / trans. angl. – М., 2003. – P. 735–736.
2. Davis J. Research in advertising: theory and practice / trans. angl. – М., 2003. – P. 740–741.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ИННОВАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕФОРМИРУЕМОМ ОБЩЕСТВЕ



A SOCIOLOGICAL STUDY OF THE PROBLEM OF CONTINUITY AND INNOVATION OF YOUTH CULTURE IN THE REFORMED SOCIETY

Шатовкина Римма Викторовна

кандидат юридических наук,
докторант кафедры
философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
milena.555@mail.ru

Rimma V. Shatokhina

Candidate of legal Sciences,
doctoral student of the Department
of philosophy and sociology,
Adygei STATE University
milena.555@mail.ru

Тищенко Александр Викторович

соискатель кафедры
философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
milena.555@mail.ru

Alexander V. Tishchenko

Candidate of the Department
of philosophy and sociology,
Adygei STATE University
milena.555@mail.ru

Аннотация. В статье отмечается, что важным элементом социализации выступает термин «социокультурная среда», под которым понимается реальное окружение индивида (группы) – с одной стороны, и совокупность представлений, которые образуют смысловое «поле отношений» с окружающим миром – с другой. Социологическое исследование молодёжной субкультуры, повседневного взаимодействия основных носителей её норм и ценностей позволяет вернуться к классическому парсонсовскому пониманию молодёжной культуры как необходимой реальности, требующей детального изучения.

Ключевые слова:

молодежь, молодежная политика, социология культуры.

Annotation.

It is noted that an important element of socialization is the concept of «socio-cultural environment», which refers to the real environment of the individual (group) – on the one hand, and a set of ideas that form a semantic «field of relations» with the outside world-on the other. Sociological research of youth subculture, everyday interaction of the main carriers of its norms and values, allows to return to the classical Parsons' understanding of youth culture as a necessary reality that requires detailed study.

Keywords:

youth, youth policy, sociology of culture.

В современных трактовках социологии культуры молодежная политика должна предусматривать создание позитивных моделей поведения и образцов для подражания, фокусирующихся на идеях развития собственных возможностей и личного успеха, как части общего успеха Российского государства.

Социальная работа с молодежью и в нашей стране, и во многих других странах является частью государственной молодежной политики. Государственная молодежная политика – это деятельность государства по созданию социально-экономических, правовых, организационных условий и гарантий для социального становления и развития молодых граждан, наиболее полной реализации творческого потенциала молодежи в интересах всего общества. Объектом государственной политики являются молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет, молодые семьи и молодежные объединения.

Проблема преемственности и инновации молодежной культуры в реформируемом обществе, их структуры и динамики остается неизменно актуальной для социологии культуры. Эта проблема приобретает особую значимость в условиях социально-экономической и духовно-культурной трансформации суперэтнических обществ, вызванной ситуацией переходного пере-

хода, сопровождающегося кардинальной переоценкой нравственных, политических и экономических ценностей. В силу особой восприимчивости и высокой социальной мобильности молодежи возникновение новых ценностных ориентаций и девальвация прежних затрагивают эту переходную социальную группу в большей степени, чем другие слои общества.

Вместе с тем, сама процедура выделения молодежи как социальной группы, с методологической точки зрения, носит в большинстве случаев недостаточно обоснованный характер. Как правило, используются ее демографические, юридические, психологические и иные определения, в редких случаях дополняемые различным набором предыдущих характеристик. И если в известной мере верно положение, что объект исследования во многом есть то, чем он выделяется и измеряется, то становится понятна множественность мнений, которая существует в подходах к определению молодежи. Там, где не хватает целостности понимания предмета, там ее часто подменяют комплексностью.

Особую значимость в данном случае приобретают процессы, захватывающие ценностное сознание молодых людей, ибо именно они представляют собой ближайшее будущее данных обществ, тем более это важно в отношении потенциальной интеллектуальной, политической, экономической, культурной элиты общества, каковую представляет и себя студенчество. Происходящие перемены обуславливают формирование нового ценностного сознания, соединяющего в себе лучшие культурно-исторические традиции духовности и гуманизма с новым мышлением, связанным с процессами глобализации, охватившими экономическую, политико-правовую, информационно-технологическую, культурно-бытовую сферу социальной жизни.

Традиция изучения динамики культуры и ценностных ориентаций общества в целом, и его групп в частности, выработала за продолжительное время своего существования множество определений этого важного понятия социологии. Понятие ценностной ориентации неоднократно становилось в центр многочисленных исследований видных зарубежных и российских ученых. Особенности ценностных ориентаций студенческой молодежи определяются влиянием следующих факторов:

- 1) возрастно-демографический;
- 2) амбивалентно-транзитивный;
- 3) образовательный;
- 4) девиантно-делинквентный [1].

Основная проблема ценностной ориентации студенчества заключается в принципиальной их поляризованности, которая оказывает непосредственное влияние на их расклад и направленность. Проблема общих тенденций изменений ценностных ориентаций в современном обществе неоднократно ставилась в центр внимания множества самых разных социологических исследований. Система ценностных ориентаций обладает определенным балансом, однако ее гомеостатичность имеет динамический, подвижный характер. Даже в период равномерной эволюции общества ценностные ориентации подвергаются пусть медленной, но трансформации, а в период революционной ломки традиционных устоев ценностные ориентации становятся радикальными и, зачастую, процессы их изменения в такие времена имеют неконтролируемый и стихийный характер.

Само современное общество характеризуется принципиальной нестабильностью системы ценностей и ценностных ориентаций в отличие от традиционного общества, в котором эта система была незыблемой и неизменной на протяжении многих веков. Система ценностей традиционного общества имела замкнутый характер, и починалась законам циклических повторений.

Современной общество является динамической системой с подвижным, нестабильным центром. На всем протяжении существования современного общества сетка ценностных ориентаций подвержена изменениям со стороны двух оппозиций – оппозиции интеграции как социализации и идентификации как индивидуализации, и оппозиции субъективизма и объективизма [2]. Социальный мир представляет собой «социетальную систему», которому подчиняется принципам системного гомеостаза, баланса, – смещение одного элемента немедленно вызывает смещение остальных так, что системное равновесие сохраняется. Чем интенсивнее, богаче, продуктивнее, дееспособнее ценностная ориентация социальной функции, тем ближе она к позиции, центрирующей поле социальной системы, и, наоборот, чем она беднее, тем дальше функция отодвинута к периферии, смещена к ней.

Система ценностных ориентаций разделяется на три большие группы:

- 1) «материнские» как материально-экономические;
- 2) «отцовские» как духовно-гуманитарные;
- 3) символически-интерсубъективные как рациональные.

Материально-экономические ценностные ориентации. Этот вид ценностей распределяется по оси «плановая экономика – рыночная экономика».

Выбор в пользу той или иной группы детерминирован экономическим статусом человека, его принадлежностью к той или иной социальной группе, экономически активной или экономически пассивной. Если та или иная социальная группа является экономически зависимой частью общества и нуждается в всемерной поддержке государства, оно крайне заинтересовано в государственном управлении экономикой и в развитии государственного сектора экономики. Эта группа, будучи объектом опеки со стороны государства, ратует за социально ориентированную экономику. С другой стороны, экономически активные субъекты и сообщества, являясь революционно-реформаторской частью общества, уверены в необходимости развития рыночных отношений, чьи принципы неотделимы от принципов экономической самостоятельности. Экономическая независимость – основа политической независимости.

Духовно-гуманитарные ценностные ориентации традиционно делятся на индивидуально направленные или этические и коллективно направленные или политические ценностные ориентации.

Рационально-ценностные ориентации основаны на рациональном определении и ограничении ценностных объектов в качестве смыслов. Если материально-экономические и гуманитарно-духовные ориентации устанавливаются субъектом или даются ему на основе социально-общественного опыта как детерминированной извне сферы объективных и общественно значимых символов, то рационально-ценностные ориентации конституируются субъектом изнутри, в качестве имманентных понятий и предметов в качестве продуктов спонтанной деятельности воображения и мышления, немислимой без своего выражения.

Рационально-ценностные ориентации, как и в предыдущих случаях, делятся на субъективно-рациональные и объективно-рациональные ориентации. Материально-экономические ценностные ориентации студенческой молодежи имеют двойственный характер. Они располагаются по двум осям – «приватность – социальность» и «материализм – постматериализм».

Поскольку студенчество является экономически зависимой частью общества и нуждается в поддержке государства, оно крайне заинтересовано в государственном управлении экономикой и в развитии государственного сектора экономики. Будучи объектом опеки со стороны государства, студенчество ратует за социально ориентированную экономику.

Общественно – политические ориентации студенчества, с одной стороны, формируются по широте всего политического спектра. В студенчестве как в проекции представлены все цвета и оттенки этого спектра от крайне правого до крайне левого. Они распределяются по вертикальной оси: «левый либерализм – правый консерватизм» и по горизонтальной оси: «интернационализм – национализм».

В соответствии с аристократичностью и элитарностью образования, а также с готовностью в недалеком будущем стать «отцами» общества, руководителями высокого ранга, менеджерами в различных отраслях народного хозяйства, студенческие предпочтения формируются в направлении правой, консервативной идеологии правящих классов, сильного государства. Эта идеология основывается на принципах государственности и патриотизма. С другой стороны, традиционной демократизм студенческого сообщества обуславливает либеральные устремления, в которых, по данным многих социологических исследований, усматривается «очевидная демократическая направленность». Оппозиция национализма и интернационализма наиболее проблематична в полиэтнических обществах, и ее значение особенно возрастает в годы реформ, когда начинается борьба за «место под солнцем» [3]. Студенчество, в этом смысле, характеризуют самые крайние позиции по оси «интернационализм – национализм», привлекая как в ряды ярых шовинистов, фашистов, так и в ряды борцов с фашизмом.

Духовно-гуманитарные ценностные ориентации традиционно делятся на индивидуально направленные или этические и коллективно направленные или политические ценностные ориентации. Этические ценностные ориентации в контексте студенческой транзитивности распределяются по вертикальной оси: «утилитаризм – духовность» и горизонтальной оси: «коллективизм – индивидуализм».

Утилитаризм этических ориентаций молодежи связан со многими факторами как негативного, так и позитивного характера, определяющими тенденции развития современного молодого человека. Это, с одной стороны, и «падение нравов», утрата духовных идеалов, засилье бездуховных поделок массового искусства, «которая стала ведущим началом в формировании мировоззренческих установок и определяющим образом влияет на самоидентификацию молодежи». С другой стороны, универсальность получаемого образования, возрастание приоритета науки и образования, рост научного знания, вследствие чего на задний план отходят нерациональные источники гуманизма.

И все-таки, несмотря на утрату духовных ориентиров, традиционная духовность студенчества является его фундаментальным качеством и базовой ценностью, поскольку и высшее образование, и высокий культурный статус студенчества накладывает на него неизгладимую печать образованности и интеллигентности, благодаря которым студенчеству удается «противостоять прагматизму общества и напору массовой культуры». Коллективистская ориентация студенчества связана с общим демократизмом студенческого сообщества, с интенсивностью и экстенсивностью коммуникабельности студентов, а их индивидуализация обуславливается элитарностью высшего образования и его специальностью, особенностью и уникальностью.

Литература:

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М. : Политиздат, 1999. – С. 47.
2. Налчаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности. – Ереван, 2003. – С. 112.
3. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. – М., 1990. – С. 85.

Literature:

1. Leont'ev A.N. Activity. Consciousness. Personality. – M. : Politizdat, 1999. – P. 47.
2. Nalchadzhyan A.A. Social-psychological adaptation of the personality. – Yerevan, 2003. – P. 112.
3. Selye G. Essays on the adaptation syndrome. – M., 1990. – P. 85.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ



LEGAL REGULATION OF SOCIAL RELATIONS

Беляков Сергей Григорьевич

соискатель кафедры философии и социологии, Адыгейский государственный университет milena.555@mail.ru

Sergey G. Belyakov

Candidate of the Department of philosophy and sociology, Adygei STATE University milena.555@mail.ru

Соловов Михаил Владимирович

соискатель кафедры философии и социологии, Адыгейский государственный университет milena.555@mail.ru

Mikhail V. Solovov

candidate of the Department of philosophy and sociology, Adygei STATE University milena.555@mail.ru

Зенина Юлия Михайловна

соискатель кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права milena.555@mail.ru

Yulia M. Zenina

Applicant of the Department of General humanitarian and natural Sciences disciplines, Essentuki Institute of management, business and law milena.555@mail.ru

Аннотация. По мнению авторов статьи, правовое регулирование можно определить как процесс, направленный на то, чтобы юридическими средствами воплотить в жизнь санкционируемое обществом поведение, посредством норм культуры и правовых установок направлять развитие жизненных ситуаций в искомом направлении. Теоретический стержень проблемы правового регулирования образуют, прежде всего, аспекты законодательного должностования. Для их решения законодатель может охватить весь спектр проблем, связанных с правовым регулированием поведения, и только путем законодательства эти проблемы могут быть решены.

Ключевые слова:

правовая социализация, общественные процессы, коммуникация.

Annotation.

Legal regulation can be defined as a process aimed at the implementation of legal means sanctioned by society behavior. Through cultural norms and legal guidelines to guide the development of life situations in the desired direction. The theoretical core of the problem of legal regulation is formed, first of all, by the aspects of legislative duty. To solve them, the legislator can cover the whole range of problems related to the legal regulation of behavior, and only through legislation these problems can be solved.

Keywords:

legal socialization, social processes, communication.

Право регулирует поведение через внедрение в социальную структуру особых общественных отношений – правовых, которые во взаимодействии с другими общественными отношениями формируют фактическое поведение субъекта. То есть, даже внесистемный, но конкретный акт поведения человека является результатом воздействия целого комплекса социальных отношений по принадлежности к социуму. Как представитель того же социума законодатель рассчитывает, что в ситуациях личностного или институционального выбора, преобладающее значение для варианта поведения будет иметь развитие правовых отношений.

Социокультурные ориентации правового поведения обусловлены как изменением природы коммуникации по условиям исторического времени, так и всем комплексом социально-

культурных условий для сообществ и их институтов по приоритетной принадлежности. Обращение к трансформационным факторам социокультурного института современного общества позволяет:

- выявить истоки возникновения правовых представлений в культуре социума и обосновать юридическое право как универсальный регулятор общественных отношений;
- раскрыть средствами социологии механизм действия такой сложной юридической категории, как правовое отношение, установить масштаб и формы воздействия на все сферы социальной коммуникации и условия жизни людей;
- обозначить структуру правовой коммуникации, изучить субъект, объект, установить права субъектов правоотношения, рассмотреть параметры социальной трансформации как феномена интегральной коммуникации потребностей и интересов действующего субъекта;
- исследовать тенденции развития правовых норм в культуре социума по условиям прогнозирования потребностей и интересов в широком спектре социологического знания.

По современным представлениям, среди других элементов управления право, несомненно, является одним из самых эффективных, потому что:

Во-первых, отношения на основе закона затрагивают значительную часть социальных отношений в определенном состоянии и по различным условиям развития общества и государства. Большинство граждан прямо заинтересованы в регулировании проблемных аспектов коммуникации на основе права.

Во-вторых, право в своем осуществлении обеспечивается, прежде всего, с помощью средств и возможностей государства, его ветвей власти и, следовательно, обладает большей эффективностью в регулировании общественных отношений. Аргументация правовых отношений средствами культуры также имеет преимущества по сравнению с другими социальными регуляторами.

Понятно, что требуемая эффективность регулирования во многом зависит от исходного материала, из которого формируется система законодательства, в том числе, в законодательстве любого государства воплощены константы народных традиций, национальной культуры, особенности этнических построений, религиозных верований.

По динамике развития, в целом, все социальные отношения можно разделить на два вида: на отношения социально-нравственной среды и отношения социально-правовой среды. Вторая форма выделяется, так как в силу ряда объективных причин нуждается в праве, т.е., в последовательном равномерном развитии под влиянием законов государства.

Для отношений социально-правовой среды характерно то, что они, во-первых, существуют в пределах общественного запроса и в оценках общественного мнения. Во-вторых, они регулируются нормами российского законодательства напрямую с помощью имеющихся у государства средств. Следует также отметить, что в силу необходимости решения широкого спектра задач в пределах обозначенной научной проблемы, такие отношения отличаются разнообразием и тесно связаны с условиями социально-правовой среды. По условиям такого разнообразия, отношения социально-правовой среды составляют единый предмет правового и общекультурного регулирования. Последующая дифференциация относится к предметам регулирования соответствующих отраслей. Следовательно, в социально-правовой среде отмечены сложности при выведении единого предмета правового регулирования. Однако как прогноз особой направленности, развитие правовых норм имеет четкий системный характер, определяя новые тенденции по условиям соблюдения требований к адекватности системы российского права, в том числе, с проекцией на институциональную специфику приоритетов деления на отрасли.

В конструкциях императивного регулирования правовое положение участников правоотношений, чаще всего, предполагает основания неравенства. То есть, один из участников всегда наделяется дополнительными полномочиями (статусом, социальной ролью, профессией и т.п.) по отношению к другим. По условиям администрирования всех секторов социальной жизни государство либо органы муниципального управления наделяют правом и сопроводительным набором властных предписаний отдельных представителей общественных организаций и институтов. Права и обязанности субъектов таких правовых отношений, которые приоритетно основаны на принципах власти и подчинения, подлежат строгому регулированию со стороны государства, и объем правомочий не может быть изменен участниками самостоятельно.

По исходным условиям оценки правоспособности субъектов правоотношений, при необходимости диспозитивного регулирования норм коммуникации мы полагаем, что участники находятся в равном положении. Но в развитии дано право строить свои отношения на взаимно эквивалентных условиях или отказаться от участия в таких отношениях. Государство предос-

твляет возможность участникам диспозитивных отношений выбирать наиболее приемлемый вариант поведения, ограничивая этот выбор только соображениями законности. Отношения строятся не на основе односторонне-властных требований, а на основе свободного договора.

В составе механизма правового регулирования метод правового регулирования определяет особенности возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Принятые как приоритетные направления развития тенденции правоотношений влияют на выбор способов установления прав и обязанностей субъектов. Конкуренция норм культуры и права регулирует степень свободы действий субъектов в рамках правоотношения, их правовое положение по отношению друг к другу. По результатам статистического анализа определяется специфика и взаимосвязь субъективных прав и юридических обязанностей, а также возможностей использования тех или иных средств защиты субъективных интересов в сфере частных отношений как элементов механизма, стабилизирующего современный социум.

Таким образом, правовой метод можно рассматривать как ведущий элемент механизма правового регулирования общественных отношений. В отличие от других элементов механизма правового регулирования, методика выдвигания и обоснования тенденций развития правовых норм имеет особое значение. Специфичность метода показывает:

- во-первых, что он не отделен от других элементов, сохраняет параметры научного статуса, присущие каждому из них;
- во-вторых, культурологический метод наряду с предметом правового регулирования, позволяет аргументировано определить направления развития в институциональных конструкциях других элементов механизма правового регулирования;
- в-третьих, метод социологии культуры уникален, поскольку для целей правового регулирования использует различные поисковые комбинации современного обществознания.

Литература:

1. Вершинская О.Н., Информационное неравенство как социологическая проблема // Информационное общество. – 2001. – № 4. – С. 45.
2. Иванов Д.В., Виртуализация общества. Версия 2.0. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. – URL : <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/b6d02a879ecf2d15c3256c4f0035ef1a>
3. Иванов Д.В., Виртуализация общества. Версия 2.0 – СПб. : «Петербургское Востоковедение», 2006. – URL : <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/b6d02a879ecf2d15c3256c4f0035ef1a>
- 4.

Literature:

1. Vershinskaya O.N., Information inequality as a sociological problem // Information society. – 2001. – № 4. – P. 45.
2. Ivanov D.V. Virtualization of society. Version 2.0. – SPb.: Petersburg Oriental Studies, 2006. – URL : <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/b6d02a879ecf2d15c3256c4f0035ef1a>
3. Ivanov D.V. Virtualization of society. Version 2.0. – SPb.: Petersburg Oriental Studies, 2006. – URL : <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/b6d02a879ecf2d15c3256c4f0035ef1a>

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СТРУКТУРЕ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОГО ЗНАНИЯ



INSTITUTIONALIZATION AND SOCIAL INSTITUTIONS IN THE STRUCTURE OF PHILOSOPHICAL AND LEGAL KNOWLEDGE

Бугаенко Юлия Юрьевна
кандидат философских наук,
преподаватель кафедры
уголовного права,
Кубанский государственный
аграрный университет
yulianzone@mail.ru

Yulia Yu. Bugayenko
Candidate of philosophy Sciences,
lecturer of the Department of criminal law,
Kuban state University agrarian University
yulianzone@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена философско-правовому осмыслению понятий «институализация» и «социальный институт». В ней автор отмечает, что основными принципами институционализма являются методологический холизм и институциональный детерминизм. Методологический холизм объясняет поведение и интересы индивидов с помощью влияния соответствующих институтов, а институциональный детерминизм означает, что институты выступают основным препятствием спонтанности социального развития, служа стабилизирующим фактором.

Ключевые слова:

институционализм, институт, социальный институт, ценности, легимитизация, структура.

Annotation.

The article is devoted to the philosophical and legal understanding of the concepts of «institutionalization» and «social institution». The author notes that the basic principles of institutionalism are methodological holism and institutional determinism. Methodological holism explains the behavior and interests of individuals through the influence of relevant institutions, and institutional determinism means that institutions are the main obstacle to the spontaneity of social development, serving as a stabilizing factor.

Keywords:

institutionalism, institution, social institution, values, legalization, structure.

Известно, что понятие «институт» (от лат. institutum – установление) в социологии трактуется как «установленный порядок правил и стандартизированных моделей поведения. Термин используется разными способами и, следовательно, часто бывает двусмысленным. Социальный институт относится к образованиям, охватывающим большие массы людей, чье поведение управляется нормами и ролями» [1, с. 248]. Это также «исторически сложившиеся и закрепленные, устойчивые, самовозобновляющиеся виды социальных взаимодействий, призванные удовлетворять те или иные человеческие нужды» или «система упорядоченных статусов и ролей, принудительно, неодолимо обеспечивающих самовозобновляемость, регулярность принятого (ожидаемого) характера процесса удовлетворения потребностей людей» [2, с. 215; 222].

В научной литературе под институционализацией принято понимать многоэтапный процесс, начинающийся с осознания определенной общественной потребности в качестве общесоциальной и завершающийся созданием системы статусов и ролей. Главной предпосылкой институционализации выступает возникновение и распространение некоей потребности и признание ее социально значимой, для обеспечения которой необходима организация совместных организационных усилий. На следующем этапе происходит поиск операциональных средств, способных обеспечить данную потребность, прежде всего, соответствующих социальных норм и правил, разработка процедур их выполнения и практическое применение. Еще одним предварительным условием является наделение института материальными, финансовыми, трудовыми

ми и организационными ресурсами, без которых невозможно обеспечить бесперебойное удовлетворение потребности, а также создание особой субкультуры, призванной способствовать воспроизводству людей, отвечающих за деятельность данного института. Кроме того, необходима разработка системы социального контроля, т.е. санкций для поддержания имманентных институту норм и правил. Завершающим этапом процесса институционализации является оформление строгой статусно-ролевой структуры и ее легитимизация.

Одна из концепций, подробно описывающих процесс институционализации, принадлежит П. Бергеру и Т. Лукману, которые указывают на необходимость рассмотрения исторического процесса создания института. В ней выделяются три стадии, предваряющие данный процесс, направленные на структурализацию социальной жизни – хабиутализация, типизация и формирование социальных конструкторов [3, с. 114–115].

Впервые социальные институты были положены в основу экономического анализа, под которыми понимались устойчивые привычки мышления, стереотипы мысли, разделяемые большей частью общества, американским экономистом Т. Вебленом, основателем институционализма, формировавшимся под воздействием взглядов Э. Дюркгейма. Основными принципами институционализма являются методологический холизм и институциональный детерминизм. Методологический холизм объясняет поведение и интересы индивидов с помощью влияния соответствующих институтов, а институциональный детерминизм означает, что институты выступают основным препятствием спонтанности социального развития, служа стабилизирующим фактором.

В трактовке Т. Веблена институт определялся как «стереотип мысли», «привычные способы реагирования на стимулы», «распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций» [4, с. 200–2001].

Б. Малиновский, А.Р. Рэдклифф-Браун, а затем Т. Парсонс связывали природу институтов с реализацией функциональных предпосылок и императивов эволюции общества. Э. Дюркгейм рассматривал институты по-существу как функциональные формы социальной организации, связанные с «общими условиями коллективной жизни». Э. Гофман относит институт к социальным формам организации жизни общества, а бюрократически организованный институт даже определяет как «тотальное учреждение».

Социальное назначение института определяется стремлением любого общества обеспечить своим членам защиту и предложить им удовлетворяющий их образ жизни. Социальный институт в своем возникновении и существовании предназначен для решения основных задач, вытекающих из факта коллективного сосуществования множества индивидов. Он представляет собой формализованную систему связей, норм и правил, организующую регулярные и долговременные социальные практики в направлении удовлетворения общественных потребностей и индивидуальных статусно-ролевых ожиданий на основе разделяемых обществом ценностей. Поэтому, системообразующим элементом любого социального института являются ценности, причем ценности, разделяемые всеми участниками институционального взаимодействия. На базе разделяемых ценностей и для их поддержания создается система норм и правил. Важно, что институциональные нормы являются нормами формализованными, то есть записанными, принятыми, утвержденными (в отличие от моральных норм, диффузно рассеянных в социальном пространстве). Их исполнение является обязательным, и достигается эта обязательность мерами принуждения. Причем, следование нормам всеми участниками института основывается на признании ими легитимности и полезности именно этих норм, а принуждение к ним признается как оправданное. Именно это обстоятельство обеспечивает необходимость, устойчивость и долговременность социального функционирования института.

С другой стороны, институты представляют собой закрепившиеся формы и типы регулярных и долговременных социальных практик: их необходимость и конкретные проявления обусловлены именно практическими поисками разрешения того или иного социального противоречия.

В рамках института социальная практика как бы стандартизируется, деиндивидуализируется, что с одной стороны, позволяет включить в нее большое количество людей, а с другой стороны, обеспечивает достаточную предсказуемость их поведения. Стандартизированные, деперсонифицированные социальные практики способствуют оптимальному, с наименьшим расходом социальной энергии и ресурсов, удовлетворению потребностей общества [5, с. 69].

Исследования институциональных основ социальных практик занимают важное место в теоретической социологии. В школе структурно-функционального анализа понятию «социаль-

ный институт» принадлежит одна из ведущих ролей. Т. Парсонс строит концептуальную модель общества, понимая его как систему социальных отношений и социальных институтов. Причем, последние трактуются как особым образом организованные «узлы», «связки» социальных отношений. В общей теории действия социальные институты выступают и в качестве особых ценностно-нормативных комплексов, регулирующих поведение индивидов, и в качестве устойчивых конфигураций, образующих статусно-ролевую структуру общества. Институциональной структуре придается важнейшая роль, поскольку именно она призвана обеспечить социальный порядок в обществе, его стабильность и интеграцию [3, с. 231–232]. Следует подчеркнуть, что нормативно-ролевое представление о социальных институтах, существующее в структурно-функциональном анализе, является наиболее распространенным не только в западной, но и в отечественной социологической литературе.

В то же время, в рамках институционализма и неинституционализма сложилось несколько более широкое представление о сущности социального института. В понимании Д. Норта, к примеру, социальные институты представляют собой «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимодействие между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике... Институциональные изменения определяют то, как общество развивается во времени, и, таким образом, являются ключом к пониманию исторических перемен» [7, с. 17]. Комментируя концепцию Д. Норта, К. Штайльманн отмечает, что «в институциональной теории понятие «институты» обозначает «правила игры» в обществе вообще; что институты формируют лишь возможности социальной жизни, тогда как организация направлена на использование этих возможностей. К. Штайльманн высоко оценивает введение Д. Нортом в научный оборот ключевого понятия недискретности, плавности изменения состояния институциональных параметров. Наконец, по мнению К. Штайльманна, «главная роль, которую институты играют в обществе, заключается в уменьшении неопределенности путем установления устойчивой, хотя не обязательно эффективной, структуры отношений между людьми» [3, с. 200–201].

Таким образом, социальные институты можно рассматривать как узловые пункты ценностно-нормативной структуры общества. Нормативная система представляет собой целостность, обладающую гибкостью, способностью адаптации и самосохранения. Некоторые нормативные системы обладают таким запасом прочности, что сохраняются веками и тысячелетиями, обеспечивая длительное существование соответствующих цивилизаций. Любой социальный институт представляет собой сложное переплетение норм и предписаний, обычаев и традиций, которое транслируется из поколения в поколение и несет в себе конкретное социально-историческое содержание.

Литература:

1. Большой толковый социологический словарь (Collins) / пер. с англ. – М. : Вече, АСТ, 2001. – Т. 1. – С. 248.
2. Общая социология : учебное пособие / под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева. – М. : ИНФРА-М, 2000. – С. 215, 222.
3. Parsons T. Essays on sociological theory. – N.Y., 1964. – P. 231–232.
4. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. – 2002. – № 9. – С. 114–115.
5. Веблен Т. Теория праздного класса. – М. : Прогресс, 1984. – С. 200–201.
6. Мордовцев А.Ю. Реальность юридического мира в пространстве национальной культуры: вопросы теории и практики // Философия права. – 2003. – № 2. – С. 69.
7. Штайльманн К. Новая философия. Бизнес. – М. : Берлин, 2008. – Т. II. – С. 238.

Literature:

1. Great sociological explanatory dictionary (Collins) / per. with engl. – M. : Veche, AST, 2001. – Volume 1. – P. 248.
2. General Sociology : textbook / under Gen. Ed. Prof. A.G. Efendiyeva. – M. : INFRA-M, 2000.
3. Parsons T. Essays on sociological theory. – N.Y., 1964. – P. 231–232.
4. Giddens E. Stratification and class structure // Sociological researches. – 2002. – № 9. – P. 114–115.

5. Veblen T. Theory of the leisure class. – M. : Progress, 1984. – P. 200–201.
6. Mordovtsev A.Yu., the Reality of the legal world in space a national culture: theory and practice // Philosophy of law. – 2003. – № 2. – P. 69.
7. Staliman K. New philosophy. Business. – M. : Berlin, 2008. – T. II. – P. 238.

СУБЪЕКТНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА КАК РЕСУРС ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ



SUBJECTIVE STRUCTURE OF SOCIETY AS A RESOURCE OF LEGAL CULTURE

Ширяев Александр Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса,
Юридический институт,
Северо-Кавказский
федеральный университет
milena.555@mail.ru

Alexander S. Shiryayev

Candidate of legal Sciences,
Associate Professor of Criminal process,
Law Institute,
North Caucasus Federal University
milena.555@mail.ru

Капустян Наталья Викторовна

кандидат социологических наук,
заместитель заведующего кафедрой
трудового и предпринимательского права,
Ставропольский институт кооперации
филиал Белгородского университета
кооперации, экономики и права
milena.555@mail.ru

Natalia V. Kapustyan

Candidate of sociological Sciences,
Deputy head of the Department
of labor and business law,
Stavropol Institute of cooperation
Branch of Belgorod University
of cooperation, Economics and law
milena.555@mail.ru

Аннотация. В данной статье автором раскрываются положения, связанные с тем, что социокультурный ресурс правовой культуры призван обеспечить формирование потенциала социализации граждан, повышение конкурентоспособности российского общества в целом. В связи с этим, особую значимость приобретают вопросы духовности, поскольку век информатизации оттесняет ее на второй план, отторгает личность от результатов ее труда, между тем как стратегической ориентацией современного образования должна быть сама личность со всеми мотивами, потребностями и интересами.

Ключевые слова:

общество, правовая культура, граждане.

Annotation.

In this article the author reveals the provisions related to the fact that the socio-cultural resource of legal culture is designed to ensure the formation of the potential of socialization of citizens, improving the competitiveness of Russian society as a whole. In this regard, of particular significance are the issues of spirituality, because 21 of informatization eclipsing her on the second plan, rejects identity from the results of its work, while the strategic orientation of modern education must itself be personality with all the motives, needs and interests.

Keywords:

society, legal culture, citizens.

В ресурсном потенциале к субъектам правовой культуры можно отнести достаточно большие и социально неоднородные, в контексте устоявшихся стратификационных критериев, группы людей, объединенных стремлением к самореализации, независимости, к отстаиванию творческих ценностей и созидательной деятельности. На этом фоне, проблема правовой компетентности субъекта, является не только важной профессиональной, но и социальной проблемой, особо актуальной в условиях информационного общества. Исследование субъектного ресурса правовой культуры, не может обойти стороной проблематику этнической, национальной, территориальной социальной принадлежности людей, их личностных характеристик.

Придать российскому обществу и государству новый импульс развития и, в конечном счете, расцвета не удастся без региональных политических усилий, без государственной поддержки региональных социально-экономических инициатив, без преодоления конфликтного по-

ля во взаимоотношениях центра и регионов, а также регионов между собой. Надо полагать, что речь идет не просто о новом отношении центра к регионам, но о новом содержании и облике российской региональной политики [1].

Создание развитого гражданско-политического пространства в регионах будет во многом зависеть от усилий и мероприятий центра в сфере образовательной и культурной политики, финансирования региональных бюджетных организаций, разумных дотационных мероприятий в сфере социальной политики регионов, поддержки пенсионеров и малоимущих, развития органов местного самоуправления и других [2]. Стержень этого процесса – эффективное преодоление номенклатурно-административных привычек региональной политической элиты, ограничение излишней политики регионального общественного развития, поддержка подлинно демократических и независимых средств массовой информации в регионах, укрепление социокультурной инфраструктуры регионов, уважение национально-этнических и конфессиональных традиций, обычаев и привычек населения регионов, всемерное внимание к формированию региональной интеллигенции.

В этих условиях особую значимость приобретают вопросы духовности, поскольку век информатизации оттесняет ее на второй план, отторгает личность от результатов ее труда, между тем как стратегической ориентацией современного образования должна быть сама личность со всеми мотивами, потребностями и интересами. Чем дальше продвигается наша цивилизация, тем в большей мере бездуховность вытесняет нас за грань условий жизни, достойных человека, ведет к духовной и культурной деградации личности, что несовместимо с устойчивым общественным развитием.

В идеале изменение международного законодательства должно выступать основой для приведения в соответствие с ним путей решения национальных проблем, правовых норм и механизмов. Однако на практике данный процесс осуществляется с большими сложностями. Различные социальные системы не одинаково восприимчивы к введению новых законов и других установлений, в том числе и в сфере образования. Не одинаковы для этого и экономические возможности государств. Но самое сложное – это специфика национальной образовательной культуры, которая вынуждена исчезнуть или выступить оппозицией проявленной тенденции развития.

Составными частями демократического проекта могут стать:

- проведение комплексной судебной правовой реформы, включая реформирование всех правоохранительных органов с целью создания независимой судебной системы;
- проведение реформы органов исполнительной власти;
- превращение средств массовой информации в «четвертую власть», независимую от трех ветвей государственной власти;
- разработка комплекса законов, направленных на развитие равноправных отношений между властью и бизнесом, на создание благоприятных условий для развития социальной сферы, культуры и предпринимательства.

В обосновании ресурса правовой культуры, федерализм выступает как идеология, образ жизни, принцип взаимоотношений между различными государствами, а также общностями людей и государством. Вне зависимости от формы его политико-территориального устройства, содержанием которого является оптимальное и справедливое разделение публичной власти в обществе на основе децентрализации, учета интересов всех сторон этих связей и отношений.

В этом смысле он включает в себя совокупность нормативно-правовых регулятивов, позволяющих социуму выразить себя таким образом, что власть субъектов дополняет и усиливает федеральную государственную власть. При этом обеспечивается свободное, суверенное, безопасное и прогрессивное развитие страны в целом, всех граждан, в ней проживающих, а также всех структурных элементов федерального государства.

Для субъектности права, федерализм предполагает также, что все организации, учреждения и другие структуры федерального государства обязаны действовать на основе правового регулирования и в русле выбранного народом пути своего развития. Правовые ориентации глобального социума развиваются на финансово-экономической основе. В банковской сфере риск характеризуется как вероятность или угроза потери банком части своих ресурсов, возникновения убытков, недополучения доходов или осуществления непредвиденных расходов в результате проведения определенных финансовых операций по сравнению с прогнозируемым вариантом [3]. Банковские риски имеют отношение ко всему разнообразию ожидаемого дохода по всем видам активных и пассивных операций.

Основными направлениями совершенствования административных процедур в России должны стать:

- а) стандартизация выполнения государственных функций и повышение качества публичных услуг;
- б) упрощение административных процедур для физических и юридических лиц;

- в) правовое закрепление административных процедур;
- г) развитие договорных форм предоставления публичных услуг;
- д) внедрение новых информационных технологий и возможностей получения информации в электронном виде;
- е) передача выполнения ряда функций в органы местного самоуправления, автономные учреждения, в негосударственный сектор [4].

Законность деятельности органов власти, неотвратимость ответственности должностных лиц за её нарушение и результаты социального управления, а также непосредственно сам уровень правовой культуры граждан. Несомненно, определяющим фактором законопослушного поведения граждан является личный пример соблюдения законодательства должностными лицами государственных органов власти, развитые механизмы дифференцированной ответственности должностных лиц в зависимости от ущерба, нанесенного ими социальному престижу власти, общественным интересам.

Сила науки во многом зависит от совершенства методов исследования и преобразования действительности, оттого, насколько они надежны, как быстро и эффективно данная отрасль знаний способна воспринять и использовать все самое новое, передовое, что появляется в методах других наук. Существуют разные основания для выделения отдельных групп научно-исследовательских методов. Так, можно говорить о методах сбора информации и методах ее обработки; о методах эмпирического исследования и методах теоретического моделирования; об общенаучных методах и специфических методах конкретных наук и т.д.

Литература:

1. Барциц И.Н. Развитие потенциала государственного управления в России: правовые условия и критерии эффективности // Социология власти. – 2009. – № 5. – С. 28.
2. Понеделков А.В., Старостин А.М. Формирование путей рекрутации административно-политических элит в современной России // Власть. – 2007. – № 6. – С. 5–7.
3. Банковское дело / под ред. Г.Н. Белоглазовой, Л.Н. Кроливецкой. – СПб., 2004. – С. 295.
4. Малько А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах. – М., 1999. – С. 42.

Literature:

1. Bartsits I.N. Capacity development of public administration in Russia: legal conditions and criteria for performance // Sociology of power. – 2009. – № 5. – P. 28.
2. Ponedelkova A.V., Starostin A.M. Formation pathways for recruitment of administrative and political elite in modern Russia // Vlast'. – 2007. – № 6. – P. 5–7.
3. Banking / ed. G.N. Beloglazova, L.N. Rabbit. – SPb., 2004. – P. 295.
4. Malko A.V. Theory of state and law in questions and answers. – M., 1999. – P. 42.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ:
НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ**



**POTENTIALLY CONFLICTING SITUATION:
VIOLATION OF THE PRINCIPLES OF POLITICAL CORRECTNESS**

Велиев Захид Бахшалы оглы
аспирант кафедры русского языка
и культуры речи,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
milena.555@mail.ru

Zahid B. Veliyev
Student of post graduate course
of the Russian Language
and Speech Culture Chair,
Rostov State University of Economics
milena.555@mail.ru

Аннотация. В статье говорится о социальной и культурной толерантности при использовании номинаций, которые могут быть оскорбительными и дискриминирующими человека по национальности, возрасту, состоянию здоровья и др. В статье приводятся используемые в официальных формулировках слова и выражения, которые обладают отрицательной оценочностью и не соответствуют представлениям о политической корректности.

Ключевые слова: эйджизм, конфликтогенность, перифраза, коммуникация, национальность, толерантность, дискурс.

Annotation. The article discusses the problem about social and cultural tolerance when using the nominations which can be offensive and discriminate the person on a nationality, age, health, etc. Used in official documents expressions, which possess negative connotation and don't correspond to ideas of political correctness are demonstrated in the article.

Keywords: ageism, conflict, periphrasis, communication, nationality, tolerance, discourse.

Общество заинтересовано в преодолении стереотипов, которые дискриминируют человека, задевают его достоинство, права относительно национальности, расы, возраста, пола, состояния здоровья и умственного развития, особенно в таких случаях, когда человек по каким-то своим свойствам не может вписаться в стандарты [10; 15]. Частотными в современных СМИ становятся эвфемизмы вторая половина жизни, третий возраст [12; 13; 14]. В официальные документы идеи политкорректности пока не проникли. В пенсионные свидетельства граждан в России, как и раньше, записывают: пенсия по старости (несмотря на то, что вариант пенсия по возрасту был бы более корректным и не менее точным).

Дискриминирующими по возрасту совершенно справедливо считаются объявления о приеме на работу, в которых обычно указываются ограничения по возрасту: до 35 или 40 лет. Но если «неприятная» формулировка может быть изменена, то с предпочтениями работодателей все обстоит гораздо сложнее: запрет на ограничения в объявлениях о приеме на работу вовсе не будет означать, что на практике при отборе возраст не будет учитываться. Например: *«Право на возраст»*

За дискриминацию работников по полу, прожитым годам и многим другим признакам работодателей будут штрафовать. Федеральная служба по труду и занятости (Роструд) и Федеральная антимонопольная служба (ФАС) выступили против трудовой дискриминации в российских компаниях. Мотив: в среднем 44 процента объявлений о найме на работу по России и 60 процентов по Москве сегодня носят, по их мнению, дискриминационный характер. Уже в этом году работодатели, разделяющие соискателей по возрастному, половому, национальному и прочим признакам, не имеющим отношения к их квалификации, имеют все шансы заплатить штраф до 500 тысяч рублей – за нарушение законодательства о рекламе в виде «незаконной серийной публикации дискриминационных объявлений» (Огонек, 2007, № 40. С. 2) [1].

Официальные документы социальных и пенсионных органов содержат формулировку период дожития, также не соответствующую представлениям о вежливости и политической

корректности [11]. Слово инвалид сегодня не ощущается как запрет (например «Федеральный закон о социальной защите инвалидов в Российской Федерации»). Описательные обороты с перифрастическими выражениями, скорее, используются не в качестве средства эвфемизации, а в качестве синонимических единиц: Если речь заходит об инвалидах, обычно говорят: люди с ограниченными возможностями (Аргументы и факты, 2007, № 36).

Иногда нежелательной ощущается номинация безработный, поэтому часто употребляется словосочетание временно не работающий. Но номинация безработица не может быть заменена номинацией временная неработица [9].

Номинация беженцы в русском языке заменяется выражением перемещенные лица, смягчающим отрицательное явление. Слово беженец имеет следующее толкование в словаре: «беженцем называют человека, оставившего свое место жительства в результате какого-либо бедствия». Однако это слово все же используется при описании «другой» действительности: в Индонезии в результате цунами беженцами стали 387 тысяч человек (РБК, 4 января 2005 г.).

В.В. Жириновский в предвыборном обращении к россиянам слово мигранты назвал унижительным, предложить использовать слово соотечественники. Слово мигранты политический лидер отвергает только в отношении этнических русских, оказавшихся за пределами Российской Федерации. Но это слово имеет гораздо более широкую семантику в общем языке: «Федеральная миграционная служба (ФМС) начала эксперимент по легализации трудовых мигрантов прямо на рабочих местах» (Newsweek, 2005, № 32), что позволяет ему выполнять роль определения в устойчивых терминологических сочетаниях: миграционный учет, миграционная служба, миграционное ведомство и др. В.Жириновский совершенно точно определил «унизительную» коннотацию слова, с его пейоративной прагматикой, не отмеченной, однако, словарями. В.К. Харченко в «Словаре богатств русского языка» к слову мигрант не дает прагматические пометы, однако интересен пример употребления этого слова, приводимый автором словаря: Более того, в ряде городов мы увидели, что мигранты те, кто для социолога всегда были как бы заведомым негативом, чаще всего несут в себе и наибольший культурный заряд и наибольшую привязанность к месту. Они приносят с собой опыт из других регионов, они часто становятся наиболее яростными сторонниками развития этого места (В. Глазычев).

Вообще, во многих, даже современных словарях не представлено слово мигрант, хотя в них включено слово миграция. Слова беженцы, мигранты, вынужденные переселенцы связаны друг с другом гипо-гиперонимическими отношениями. Мигранты является гиперонимом, а вынужденные переселенцы и беженцы – гипонимами.

Вряд ли выражение лицо кавказской национальности соответствует представлениям о политической корректности. Накаленные отношения, которые последнее время складываются между народами и различными национальностями, заставляют людей, которые выступают публично (комментаторов, журналистов, политических деятелей, депутатов), задумываться над каждым словом, чтобы неточное слово или неловкое выражение не усилило этот накал и межэтнические раздоры, не создало ложной негативной оценочности при интерпретации смысла языковых единиц, которая может нанести моральный ущерб адресату речевого сообщения. Именно эта боязнь, очевидно, и обусловила замену однословной номинации народов и национальностей, проживающих на Кавказе и в Средней Азии, а также в некоторых других регионах, перифрастическими выражениями лицо узбекской национальности, лицо армянской национальности, встречается даже лицо кавказской национальности, несмотря на то, что такой национальности – кавказец – не существует. Для сравнения приведем, что сказано в официальном уведомлении: Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ рекомендовала признать некорректным и неэтичным употребление в газетах терминов типа «лица кавказской национальности» (Вечерняя Москва, 15 июля 1994 г.).

Самыми негативными, оскорбительными наименованиями, используемыми в отношении представителей республик Кавказа и Средней Азии, являются чурка, чучмек. Т. Толстая в повести «Политическая корректность» пишет, что «слово чурка еще обиднее, чем чучмек: предполагает тупость, дубовые мозги (я вот умный, а они все тупые)». Эти номинации фиксируются словарями жаргонной лексики. Вся «палитра» подобных выражений (еще со словом чебурек, обозначающим «кавказец») представлена в фильме Н. Михалкова «Двенадцать», в котором по сюжету двенадцать присяжных решают участь чеченского мальчика, который обвиняется в убийстве русского офицера.

На периферии языка оказываются частотные прежде слова нацмен, нацменка. Е.А. Семиниченко [3, с. 140] пишет, что нацмен – такая аббревиатура является не только оскорбительной, но и «взрывоопасной» в регионах особой национальной напряженности». Обратим внима-

ние, что подобные формулировки могут быть некорректными, даже конфликтогенными, не только в отношении национальных меньшинств, но и представителей любых, даже самых многочисленных «титовых» наций. Метафора, приписываемая автором газетной статьи американцам, является в высшей степени оскорбительной (несобственно прямая речь): А уж конфисковать собственность обнаглевшего русского валенка – это прямо-таки святое дело (Советская Россия, 19 апреля 2007 г.).

Л.А. Брусенская пишет о необходимости и неизбежности «юридизации» языковой коммуникации [4, с. 17. 5; 6; 7; 8]

Идеи социальной и культурной толерантности все более распространяются и начинают корректировать выбор языковых единиц в публичной и частной коммуникации.

Литература:

1. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г., Беляева И.В. Юридическая риторика : учебник. – М. : Норма-Инфра. – 2014. – 287 с.
2. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Экологическая лингвистика. – М. : Флинта-Наука. – 2016. – 180 с.
3. Семиниченко Е.А. Этический аспект аббревиации : Вопросы экономики и права / Сборник статей аспирантов и соискателей. – Ростов н/Д. : РГЭУ «РИНХ», 2004. – Вып. 2. – С. 137–140.
4. Брусенская Л.А. Правовое регулирование языка: русский язык в сфере юридического функционирования // Философия права. – 2011. – № 15 (48). – С. 15–20.
5. Брусенская Л.А. Гендер как социокультурный конструкт: условия коммуникации // Философия права. – 2010. – № 4. – С. 82–86.
6. Брусенская Л.А. Лингвоюридические аспекты современной коммуникации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – С. 111–115.
7. Брусенская Л.А. Заимствование «чужих» культурных идеалов в современной России // Философия права. – 2012. – № 3 (52). – С. 49–53.
8. Брусенская Л.А., Фролова Н.Н. Языковая экспликация экономических отношений: бренды в экономическом дискурсе : Язык и речь в синхронии и диахронии / Материалы V Международной научной конференции. – Таганрог, 2014. – С. 135–138.
9. Куликова Э.Г. Категоризация выбора места ударения в системе русского словообразования (имена существительные) : автореферат диссертации кандидата филологических наук. – Ростов-на-Дону, 1996. – 21 с.
10. Куликова Э.Г. Языковая и правовая норма в современной России: функциональное и структурное сходство // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 8. – С. 500–509.
11. Куликова Э.Г., Светличная Н.О. Социальная информация и аббревиатуры : Эволюция государственных и правовых институтов в современной России // Ученые записки. – Ростов н/Д, 2008. – Вып. 6. – С. 169–177.
12. Куликова Э.Г. Культурная парадигма эпохи постмодернити: языковая норма // Философия права. – 2010. – № 3 (40). – С. 37–42.
13. Куликова Э.Г. Культурное пространство современной России: проблема языковой небрежности и неадекватных образцов // Философия права. – 2012. – № 3 (52). – С. 53–58.
14. Куликова Э.Г. Массовая коммуникация в современной России: норма в лингвистике и паралингвистике // Философия права. – 2012. – № 1. – С. 82–85.
15. Куликова Э.Г. Прецедентные тексты: лингвистика и право, категория вариантности и отклонение от нормы // Философия права. – 2013. – № 3 (58). – С. 39–43.

Literature:

1. Brusenskaya L.A., Kulikova E.G., Belyaeva I.V. Legal rhetoric : textbook. – M. : Norma-Infra. – 2014. – 287 p.
2. Brusenskaya L.A., Kulikova E.G. Ecological linguistics. – M. : Flinta-Science. – 2016. – 180 p.
3. Seminichenko E.A. Ethical aspect of abbreviation: Issues of economics and law / Collection of articles by post-graduate students and applicants. – Rostov n/a. : RSEU RINH, 2004. – Issue. 2. – P. 137–140.
4. Brusenskaya L.A. Legal regulation of the language: Russian language in the sphere of legal functioning // Philosophy of law. – 2011. – № 15 (48). – P. 15–20.
5. Brusenskaya L.A. Gender as a socio-cultural construction: conditions of communication (in Russian) // Philosophy of Law. – 2010. – № 4. – P. 82–86.

6. Brusenskaya L.A. Lingvojuridicheskie aspects of modern communication (in Russian) // Legal policy and legal life. – 2011. – P. 111–115.
7. Brusenskaya L.A. Borrowing of «alien» cultural ideals in modern Russia // Philosophy of law. – 2012. – № 3 (52). – P. 49–53.
8. Brusenskaya L.A., Frolova N.N. Language Exploration of Economic Relations: Brands in Economic Discourse : Language and Speech in Synchrony and Diachrony / Proceedings of the V International Scientific Conference. – Taganrog, 2014. – P. 135–138.
9. Kulikova E.G. Categorization of the choice of the place of emphasis in the system of Russian word-formation (nouns): author's abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences. – Rostov-on-Don, 1996. – 21 p.
10. Kulikova E.G. Linguistic and legal norm in modern Russia: functional and structural similarity // Social and humanitarian knowledge. – 2008. – № 8. – P. 500–509.
11. Kulikova E.G., Svetlichnaya N.O. Social information and abbreviations : Evolution of the state and legal institutes in modern Russia (in Russian) // Scientists' notes. – Rostov n/d, 2008. – Issue 6. – P. 169–177.
12. Kulikova E.G. Cultural paradigm of the postmodern epoch: language norm (in Russian) // Philosophy of Law. – 2010. – № 3 (40). – P. 37–42.
13. Kulikova E.G. Cultural Space of Modern Russia: the Problem of Linguistic Carelessness and Inadequate Examples // Philosophy of Law. – 2012. – № 3 (52). – P. 53–58.
14. Kulikova E.G. Mass communication in modern Russia: the norm in linguistics and paralinguistics // Philosophy of law. – 2012. – № 1. – P. 82–85.
15. Kulikova, E.G. Case texts: linguistics and law, the category of variability and deviation from the norm (in Russian) // Philosophy of law. – 2013. – № 3 (58). – P. 39–43.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ТРАНСЛЯЦИЯ ЗНАНИЙ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА



STREAM OF KNOWLEDGE IN DEVELOPMENT THE INDIVIDUAL AND SOCIETY

Киясханов Магомед Хизриевич

кандидат философских наук, доцент,
представитель МВД России
в Республике Таджикистан
milena.555@mail.ru

Magomed H. Kilyashanov

Candidate of philosophical Sciences,
Associate Professor,
Representative of the MIA of Russia
in the Republic of Tajikistan
milena.555@mail.ru

Аннотация. Современный этап развития России требует разрешения проблемы понимания перспективных направлений модернизации отечественной системы образования, результатом развития которых станет действительно образованное, конкурентоспособное во всех отношениях общество. В исследовании трансляции знаний, их сохранения и приумножения, показано, что, как комплексный критерий норм и ценностей современного образования, культура предметно охватывает всю полноту жизни современного человека.

Ключевые

слова:

личность, общество, образование, знания.

Annotation.

The modern stage of development of Russia requires the solution of a problem of understanding the perspective directions of modernisation of the national education system, the result of which would become truly educated, competitive in all respects society. The study of the translation of knowledge, their preservation and enhancement shows that as a complex criterion of the norms and values of modern education, culture substantively covers the fullness of modern life.

Keywords:

personality, society, education, knowledge.

Посредством нормативной стратификации предпочтений развития в сфере культуры, каждому индивиду предлагаются к оценке и к реализации, формы поведения, стереотипы мышления, идеалы и ценности профессии. В культурно-образовательной коммуникации, осуществляется и поиск приоритетного имиджа для оптимального социального устройства общества. Рассматриваются варианты образовательных программ, как моделей, ориентированных в социологическом объяснении тенденций развития социума и нравственности индивида. Культура, как комплексный компонент социальной регуляции, наиболее полно раскрывает свои возможности при формировании, как плодотворных стереотипов познавательного мышления, так и образовательных установок для нового имиджа социализации.

Современный этап развития России требует решения проблемы понимания перспективных направлений модернизации отечественной системы образования, результатом развития которых станет действительно образованное, конкурентоспособное во всех отношениях общество. Социальные и культурные проблемы такого уровня сложности получают статус отношений по поводу власти. Опираясь на социально-групповые интересы в заданной сфере общественных отношений, они находят свою особую интерпретацию в идеологии образования, как форме научно-теоретического отражения общественного сознания. Идеологический плюрализм, в свою очередь, позволяет выявить главное, наиболее устойчивое в понимании целей деятельности и способов их достижения [1].

Определяя возможности развития знаний в векторе социального государства в современном российском обществе, необходимо указать на переосмысление сущности и содержания социальной политики государства, которое происходит сегодня во всем мире. Фактически это означает попытку совмещения идеологий «социального государства» и «социального менеджмента» в практике социального обеспечения и защиты. В новых исторических условиях – условиях наступления глобального рынка – социальная ответственность государства связывается с предоставлением населению определенного, законодательно регламентированного набора социальных благ – гарантированного социального минимума. При этом и, прежде всего, следст-

вие осознания возможной угрозы возникновения ситуации социального государственного тоталитаризма, государство всё больше освобождается от узко-управленческих функций, связанных с распределением средств на уровне конечных потребителей, сосредоточиваясь на регулировании институциональных взаимодействий в социальной сфере. Но это не уменьшает, а напротив, увеличивает сферу компетенции государства, выступающего в качестве гаранта сбалансированной социальной политики и основного субъекта носителя социальной миссии. С одной стороны, государство поддерживает и контролирует некоторые общие правила игры, не препятствующие процессам социального саморегулирования в решении задач социальной защиты и поддержки населения. С другой стороны, оно устанавливает приоритетные направления сбалансированной социальной политики и разрабатывает технологии бюджетного финансирования социальных программ (приоритетных национальных проектов) [2].

Для России сегодня речь идет о целесообразности постоянного мониторинга мировой образовательной среды, масштабного творческого сотрудничества с зарубежными коллегами, оперативного реагирования на всё полезное, перспективное для развития высшей школы.

Многие институты, включив в образовательный процесс обучение по непрофильным специальностям, получили статус университетов. В качестве уступки мировой системе наряду с подготовкой специалистов узаконена двухступенчатая система «бакалавр – магистр», введено обучение с полным возмещением затрат (платное обучение), появились «негосударственные» вузы.

Несмотря на существенное обновление содержания гуманитарного образования в современной России, по сей день отсутствует целостная концепция гуманитарного и социально-экономического образования на всех его уровнях.

В настоящее время активно внедряются новые технологии подготовки и обучения специалистов. В вузах усилился акцент на интенсивное внедрение и развитие дистанционной формы обучения, которая гарантирует получение образования каждому желающему, предполагает создание условий для учета интересов, способностей личности, обеспечивая тем самым реализацию индивидуального подхода к обучению; учебный процесс при этом становится более гибким. Кроме того, благодаря внедрению дистанционного обучения, расширяются перспективы повышения конкурентоспособности современного российского образования, как по содержанию, так и по качеству образовательных услуг.

Освоение информационного пространства может оказаться ведущим направлением внедрения образовательных новаций в учебный процесс. Возрастающий интерес населения к высшему образованию, а также развитие компьютерных и информационных технологий позволяют прогнозировать дальнейшее бурное развитие дистанционных форм обучения и, соответственно, дальнейшую институциональную трансформацию высшего образования. В этой связи необходимо уделить серьезное внимание тем характеристикам дистанционного образования, которые сегодня не являются совершенными [3].

Образование есть подлинно историческое понятие, позволяющее сохранить традиции, определить новации культурно-исторических изменений и послужить основой для модели организации современного социального пространства.

Можно утверждать, что в сфере образования сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны – знание образовательных практик изменяется чрезвычайно быстро и динамично, а с другой – для его транслирования необходимо, чтобы оно было неизменным. Действительно, нельзя предавать знание, если оно неустойчиво, если нет уверенности, что это знание «останется» навсегда. Такая ситуация приводит к определенным трудностям в реформировании образования, а именно, к неоднозначности и противоречивости социальных форм обучения и передачи ценностно-значимой информации, что в свою очередь является проявлением кризиса исторической традиции продуктивного общения поколений.

Таким образом, сложные современные проблемы требуют нестандартных решений и методов, следовательно, образование должно стать обучением как способом творческого и критического мышления, так и средством воспитания нравственных гражданских добродетелей. Мнение о том, что обучение инструментальному мышлению, обслуживающего сферу естественных наук, не ведет к нравственному развитию и носит инструментальный характер, является верным. Вместе с тем, такое суждение лишь фиксирует сложившуюся ситуацию, и не способствует разработке конструктивных положений в сфере образования.

Литература:

1. Баштовой В.Ю. Воспроизводство культурных норм и ценностей образования в социализации молодёжи : автореф. ... дисс. канд. соц. наук. – Майкоп, 2013.

2. Попова Е.А. Политические аспекты антропоцентрического подхода к региональному развитию // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2011. – № 1(26). – С. 15.
3. Чередниченко Г.А. Новое в образовании и профессиональной деятельности молодежи // Социологические исследования. – 2009. – № 7. – С. 89.

Literature:

1. Bashtova V.Yu. Reproduction of cultural norms and values of education in the socialization of youth : autoreferencing ... diss. candidacy of social sciences. – Maikop, 2013.
2. Popova E.A. Political aspects of anthropocentric approach to regional development // Vestnik Povolzhskaya Academy of Civil Service. – 2011. – № 1 (26). – P. 15.
3. Cherednichenko G.A. New in education and professional activity of youth // Sociological researches. – 2009. – № 7. – P. 89.

АРХАИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ ИССЛЕДОВАНИЯ



ARKHAIZATION OF LEGAL BEHAVIOR IN THE RUSSIAN SOCIETY: TEORETIKO-METHODOLOGICAL CONSTRUCT OF A RESEARCH

Левашев Дмитрий Николаевич

соискатель кафедры
философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
levashev@mghpu.ru

Dmitry N. Levashev

Degree-seeking Student of the Department
of philosophy and sociology,
Adyghe State University
levashev@mghpu.ru

Аннотация. В данной статье предлагается авторский теоретико-методологический конструкт исследования архаизации правового поведения в российском обществе с позиций выделения в его структуре рефлексивных (осознанных) и нерефлексивных (неосознанных) форм архаизации, в совокупности определяющих тенденции архаизации и перспективы деархаизации правового поведения в условиях российской социокультурной реальности.

Ключевые

слова:

Annotation.

архаизация, правовое поведение, архаизация правового поведения.

In this article the author's teoretiko-methodological construct of a research of an arkhaization of legal behavior in the Russian society from allocation positions in its structure of the reflexive (conscious) and irreflexive (unconscious) forms of an arkhaization in total defining trends of an arkhaization and prospect of a dearkhaization of legal behavior in the conditions of the Russian sociocultural reality is offered.

Keywords:

arkhaization, legal behavior, arkhaization of legal behavior.

При отсутствии консенсуса в обществе по отношению к институту права, уместным представляется исследование правового поведения по структурным и институциональным параметрам, по тому, как социальные неравенства, различия диспропорций влияют на возможность принятия коллективных архаичных форм поведения, и каким образом отношение к институту права, доверия / недоверия может вызвать в качестве последствия архаизацию правового поведения. Дело не только в том, что значительная часть населения проявляет интерес к архаичным практикам и архаичной идентичности. Гораздо важнее то, что на смену советской государственно-центричной модели не пришел приемлемый правовой порядок, который бы удовлетворял потребности постсоветских поколений в совокупности правовых принципов, воспринимаемых как мера свободы, ответственности и равенства.

Таким образом, формируемый методологический конструкт направлен на выявление объективных, субъектных и субъективных критериев архаизации, и связан с анализом макро- и микроуровня, институтов и поведенческих стратегий россиян в правовой сфере.

Исходя из того, что архаизация правового поведения в российском обществе имеет локальные рамки актуализации и дисперсна, разбросана в той или иной степени в различных социальных группах и слоях, и нельзя назвать группу концентрации архаичных признаков поведения, за исключением тех, кого относят к этноконфессиональным меньшинствам, можно говорить о том, что архаизация, как она есть, не означает становления нового образа жизни, социально референтного образа правового поведения. Толерантность (терпимость) к проявлениям архаичного правового поведения имеет подтверждение в том, что россияне, находясь в ситуации недоверия к институту права, рассматривают правовые инновации, становление гражданско-правовых норм непродуктивными [1].

Вместе с тем, можно говорить о том, что исследование данного поведенческого феномена вписывается в мейнстрим анализа правового поведения российского общества. Определяя вслед за психологами архаизацию правового поведения как актуализацию поведенческих стереотипов, можно сказать, что эпоха правового модернити в российском обществе и порожденными ими правовые изменения способствуют ослаблению примордиальных архаичностей и

усилению других, социально конструируемых, к которым несомненно относится и приверженность к неправовой традиции. Ссылки на то, что российское общество неправовое по своим культурно-историческим параметрам, что архаизация правового поведения является естественной в силу базовых социальных идентичностей, не определяет того, почему институт права не имеет действительного регулятивного характера.

Позиция сторонников концепции негативной идентичности делает ясным, что «плата» за внедрение института права в российском обществе является весьма высокой: высокой в том смысле, что причина правового негативизма состоит в том, что основные общественные сферы не поддаются эффективному правовому регулированию. В рамках сложившегося правопорядка интересы государства оказываются наиболее лучшим образом воплощенными неправовыми институтами, и в некоторой идеальной проекции именно правовые институты, в частности армия, являются выразителем идеи суверенитета и внешних притязаний [2].

Дефицит модальности института права влечет за собой в качестве последствий реальную конкуренцию форм коллективного опыта как менее формализованных, гибких и удобных для стратегий выживания и самоадаптации. Разумеется, в публичном дискурсе проблема архаизации правового поведения не рассматривается как существенно определяющая судьбу права в российском обществе, но от этого влияние архаизации правового поведения не только на правовую сферу, но и на другие сферы российской жизни не остается незамеченным.

Предлагаемая Ж.Т. Тощенко концепция фантомов общественного сознания придает исследованию архаизации определенный аспект, связанный с тем, что в состоянии дезориентированности и дезорганизации российского общества архаизация правового поведения из аномального явления, не вписывающегося в привычные одобряемые обществом формы организации социальной жизни, имеет не исключительную, а частную форму проявления [3]. Этому способствуют объективные тенденции развития правовой сферы, отношение к государству как имеющему слабое влияние на регулирование общественной жизни, при том, что часто мифологизируется сила государства, делает возможным не просто реабилитацию архаичных форм поведения, но и возмещение тех утраченных иллюзий в особую значимость права, которой питали общество в 90-е годы XX века. Не следует сбрасывать со счетов такую вещь, как появление архаичного (анархического) типа личности, так как анархических установок в той или иной мере придерживается большинство населения России, правда, если не считать, что в абсорбированной или частично проявляющейся форме. Поэтому для исследования архаизации правового поведения необходимо основываться на принятии объективных (институционально-структурных) критериев, характеризующих роль и значимость права в общественной жизни, но при этом стремиться к балансу с критериями субъективными (идентификационными), определяющими возможности использования коллективных форм для возмещения недостатка правовой субъектности. В частности, особое внимание следует уделить тому, каким образом архаичное правовое поведение позволяет или способствует принятию неправовой идентичности, тому, что можно описать как изучение развития правопорядка в частных секторах общества, сконцентрировавшись на изучении воздействия архаизации на поведение человека.

В российском контексте архаизация правового поведения также имеет явно выраженный аспект признания национальной традиции. Вместе с тем, архаизация правового поведения проявляется в сохранении сферы неправовой свободы в анархизме, которому способствует как формирование анархического типа личности и сложившийся нейтралитет по поводу правоприменения и правоограничения между населением и государством, и тем, что Ж.Т. Тощенко определяет как объективную тенденцию усиления роли субъективного фактора, субъектности, значимости жизнедеятельности социальных групп [4].

В этих условиях исследование травмированности и антиномичности российского общества, того, что право ассоциируется с либерализмом и тем самым берет на себя ненависть и разочарования по поводу экономических и социальных изменений, внедряемых в общество, приводит не к тем результатам, на которые рассчитано внедрение правомерного поведения. Опора на повседневную практику, как отмечает Ж.Т. Тощенко [5], означает, что исследование архаизации правового поведения требует выявления тенденций, которые бы отражали деформированные ориентиры, противостоящие и даже взаимоисключающие друг друга, то есть определение того, какие причины способствуют отторжению права как способа социальной ориентации, и какие элементы архаичного восприятия включаются в мотивацию правового поведения в российском обществе.

В том, что архаизация правового поведения в российском обществе имеет объективные и субъективные параметры анализа есть необходимость актуализации структурно-деятельност-

ного подхода (структурно-конструктивистского), в котором архаизация предстает не столько реликтом общественных отношений, воспроизводимых в результате травмированности и антиномичности сознания, не отрицая их позитивное влияние на то, что право не воспринимается как культурно-символический капитал, можно констатировать аморфность в отношении права.

Под аморфностью следует понимать пластичное отношение к праву, использование права как ситуативной процедуры, что, в свою очередь, связано с эрозией ценностно-нормативной системы, с тем, что идейная структура российского общества является неправовой, обращена не к правовым, нравственным ценностям. Парадокс состоит только в том, что исследователь может попасть в ловушку магического воздействия традиции, не обращая внимания на то, что в российском обществе социальные отношения детрадиционны, имеют слабую ссылку на обычаи, что доминирует инструментальный активизм. Поэтому в силу сложившихся обстоятельств можно говорить о том, что действия неправовой традиции также слабо проявляются, поскольку моральные нормы не являются наиболее фундаментальными в отношении между людьми, формируя межличностное пространство как коллективный образ жизни российского общества. Можно также говорить о том, что несоответствие культурному идеалу определяется слабостью, диффузией культурных смыслов, тем, что является сдержанностью в культурном наследии. В большей степени работает видимость традиции, ее реконструирование в контексте самолегитимации неправового поведения.

Для данного исследования, таким образом, актуальным становится выявление конфигурации объективных, структурно-институциональных ограничений, детерминант правового поведения и культурно-символических, санкционированных логикой адаптации. Целесообразным представляется выявление групп носителей архаизации, сложность которой состоит в ее диффузности, распространенности у различных групп. Наиболее зримо это проявляется у групп, преследующих этническую или религиозную традицию; в размытом виде – у групп, включенных в современное общество. Имеется в виду, что архаизация правового поведения может проявляться на уровне отношения к праву как чрезмерно толерантному или в том, что правовые нормы выступают неэффективными, чтобы удовлетворить желание индивидов реализовать свои интересы, расходящиеся с правовыми позициями. Формула «так поступают все» может скрывать различные обоснования архаизации и, как правило, действуют в качестве доминирующих в ситуации правовой неопределенности. Важным моментом является исследование потенциала доверия к правовым нормам, что связано с неконкурентностью правовых норм по отношению к личностному или позиционному доверию. В российском обществе проигрыш в ставках на право имеет однозначные последствия и значения. Недоверие к институту права как формально правовому определяется опытом «несправедливости» права и тем, что в рамках доверия к праву необходимо рассчитывать на правовую компетентность, а ее уровень в российском обществе является низким.

Обращение к архаизации правового поведения как интуитивного «подсознательного» расчета, определения надежности коллективных форм, выходит за пределы теории рационального выбора, поэтому доверие к праву является социальным фактом, если связано с репутацией или позитивными ожиданиями к праву. Культурная мотивация имеет в российском обществе меньшее значение, поскольку является аргументом «по случаю». «Задним числом» обосновывается идея неправовой традиции, в то время как основанием для архаизации является неудачный опыт правового реформирования и неравного доступа к праву, использование права в выборочном контексте и правовая сегрегация, когда правовые нормы теряют универсальный смысл, действуя по логике поощрения или наказания отдельных групп.

Рассматривая, таким образом, теоретико-методологические основания исследования архаизации правового поведения в российском обществе, можно попытаться дать ответ на вопрос: «Что представляет собой право и правовые понятия?». Любая из конкурирующих концепций естественно в неправовой традиции абберированы отношениями между государством и личностью. Интерпретация права как справедливости оказывает активное воздействие на сам процесс архаизации. Метаморфозы общественного сознания, в целом дают возможность сопоставить правовое поведение с требованиями правовых предписаний. Вместе с тем, российские авторы отмечают современность правового поведения россиян и, прежде всего, позитивное отношение к закону и другим правовым ценностям [6].

В исследовательском контексте можно говорить о том, что сама архаизация связана с тем, что право так и не является фундаментальной ценностью, институтом развития общества и человеческого потенциала. В восприятии россиян правовые нормы принимаются необходимым элементом общественной жизни, но если речь заходит о сохранении сферы приватной свободы или о выборе мягкого варианта во взаимодействии государства и личности.

Одновременно, следует говорить о том, что проблемы архаизации имеют институциональную и деятельностно-мотивационную составляющие. Особый интерес вызывает то, что в российском обществе архаизация правового поведения населения не может ограничиваться только несовершенством существующей правоохранительной системы или ссылками на инновационные последствия предшествующего «тоталитарного» права. Поэтому для исследователя важным является определение показателей архаизации как воспроизводящих эффект инфильтрации, проникновения, того, что Ж.Т. Тощенко называет блуждающими типами [7].

В конечном счете, разумеется, необходимо выделить тип поведения, который может характеризоваться архаичным, что включает необходимость характеристики выбора архаичных образцов как следствия архаизации общественных отношений, в которых оказался индивид или социальная группа, архаического типа идентичности и воззрения на право как чуждый или ситуативный для формирования поведенческих стратегий феномен.

В обществе, где право не является объектом институционального доверия, архаика (коллективные формы) также не выполняет роль высокостатусной и «конструируется» в зависимости от конфигурации социальных обстоятельств, от того, какие мотивационные механизмы двигают личностью, в какой ценностной модели существует наиболее сильная приверженность. В этом смысле следует уберечься от описания только крайних полюсов групп, ориентированных на современное правовое поведение или погруженных в пласты архаики. Важным является осмысление субъектных и субъективных составляющих архаизации правового поведения, особенно исходя из того, что целью анализа являются поведенческие стратегии, представляющие действия, направленные на других и имеющие определенную степень социальной рационализации.

Эффект конструирования архаизации проявляется в том, что для большинства россиян опыт предшествующих поколений или утерян, или возвращается в измененном виде в соответствии с логикой адаптации. Можно также констатировать, что формируемый теоретико-методологический конструкт требует внимания к определению архаизации правового поведения путем выявления правовых приоритетов общества и определение границ «неприменимости» права. Говоря о том, что существует право, отменяющее обычаи, то, что правовые нормы могут и не использоваться по причине несоответствия новым потребностям общества, что фактически некоторые правовые нормы остаются мертвыми (недействующими) и их роль постоянно выполняют неправовые нормы, можно говорить о том, что степень архаизации зависит от того, каким образом предписания права имеют коллективный характер.

Из этого следует, что право в российском обществе подвергается не столько вторжению морали, сколько того, что называется абстрактное выражение воли индивида. Поэтому в определении архаизации правового поведения следует исходить из того, что российское общество не является легалистским, а легистское понимание права значительно сужает возможности для анализа правового поведения. Рассматривая, таким образом, условия, факторы, механизмы воспроизводства, мотивацию архаизации правового поведения, можно прийти к выводу о том, что формула ситуативно правомерного поведения, только частично подверженного правовому регулированию, делает необходимым определение параметров исследования в контексте размытости социального контроля или контроля со стороны государства. Если свести общие признаки архаичного правового поведения, то оно, конечно, является социально значимым, и это может служить основой разграничения правомерного и неправоммерного поведения.

Кроме того, следует выявить сознательные, преднамеренные признаки архаизации, основанные на выборе определенных поведенческих стратегий в сфере права. Хотя архаичное правовое поведение не подвержено регламентированности, оно определяется как соответствующее / несоответствующее под пониманием в обществе коллективных образцов опыта как наиболее легитимированных.

В контексте архаизации правового поведения социальный контроль смещается в сферу контроля со стороны группы, разделяющей ориентир на формы коллективного опыта как показатель справедливости и обоснованности поведения личности.

На основании всего сказанного выше и уже представленного в виде методологических границ исследования архаизации правового поведения в российском обществе, мы считаем необходимым обозначить краеугольные позиции методологического конструкта, встроенные в положения неинституционализма и теории ментальных программ, с помощью которых возможен анализ рефлексивных и нерефлексивных форм архаизации правового поведения в российском обществе.

С этой точки зрения потенциал неинституциональной теории определяется самим подходом к социальному институту, основанный на значимости формальных и неформальных норм и правил в процессе становления и изменения социальных институтов в контексте идеи исто-

рической зависимости [8]. Здесь же, конечно, следует привлечь потенциал российской науки, оформившей идейные положения данной теории в виде адаптированной к российской социокультурной специфике теории, условно предстающей в виде русской социокультурной матрицы в ее различных вариациях, но обращенных к анализу институциональной и социокультурной динамики современного российского общества сквозь призму ее зависимости от прошлого опыта и культурного кода, заложенного в ментальных основаниях российского социума. Можно особо выделить идеи, представленные в трудах А.С. Ахиезера, В.И. Ильина, А.А. Пелипенко и др. [9]. В частности, А.С. Ахиезер, крайне негативно оценивающий архаизацию, пишет о том, что ее главным проявлением выступает то, что культурные программы архаичного типа оказываются значимыми, даже господствующими в культуре государства, культуре большого общества, что становится проблемой первостепенной важности для страны, поскольку вектор архаизации направлен на то, чтобы трансформировать архаичные программы в решения и действия, в реальные массовые практики [10].

Важнейшим основанием методологической стратегии данного исследования выступает теория ментальных программ, раскрывающая особенности нормативной модели социального поведения через конфигурацию рефлексивных и нерефлексивных структур, детерминирующих поведение индивидов и социальных общностей в различных сферах жизнедеятельности [11].

Именно в этом заключается суть ментальных программ, рассматриваемых учеными как совокупность рефлексивных и нерефлексивных представлений, ценностей и установок тех или иных социальных общностей [12]. Имеющиеся у индивидов мнения, предпочтения, основанные на неких идеальных образцах и представлениях, заложенных в менталитете социума, не всегда становятся основанием реальных практик, т.е. включаются рефлексивные структуры, что и становится фактором формирования различных стратегий и форм поведения, а также фактором дифференциации в социальных группах.

В целом можно сделать следующие выводы:

во-первых, теоретико-методологический конструкт исследования архаизации правового поведения в российском обществе включает объективные (институциональные и структурные), субъективные (поведенческие стратегии и принятие архаичной идентичности), а также субъективные, связанные с образом правового поведения и мотивацией к архаизации правового поведения на индивидном или групповом уровне;

во-вторых, теоретико-методологический конструкт связан с такими показателями как отношение к праву, как инструменту реализации жизненных стратегий и жизненных шансов, авторитетность архаичных образцов и форм архаичной идентичности, частота проявления архаизации на уровне объективного или субъективного архаичного поведения, готовность к актуализации форм архаичности на уровне делегирования и представления интересов.

С позиций выше представленных в методологическом конструкте подходов и когнитивных установок архаизация правового поведения рассматривается как реакция общества, социальных групп, общностей и индивидов на динамику социальных изменений и вызовы социокультурной реальности, выражающаяся в обращении к культурно-историческому опыту прошлого в форме рефлексивного и нерефлексивного использования доказавших свою эффективность на более ранних этапах развития общества правовых норм и поведенческих стратегий.

Литература:

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. – М., 2011. – С. 254.
2. Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. – М., 2004. – С. 177.
3. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. – М., 2015. – С. 63.
4. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. – М., 2015. – С. 14.
5. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. – М., 2015. – С. 16.
6. Баранов П.П., Овчинникова А.И. Актуальные проблемы теории правосознания и правового мышления. – Ростов н/Д, 2006. – С. 21.
7. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. – М., 2015. – С. 73.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
9. Ахиезер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. Социология. Этнология. – 1995. – № 1. – С. 3–57.
10. Ильин В.И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии // Мир России. Социология. Этнология. – 2017. – № 4. – С. 30–50.

11. Пелипенко А.А. Проклятие «русской матрицы» // Власть. – 2014. – № 2. – С. 17–20.
12. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 93.
13. Lubsky A.V., Kolesnikova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. – Volume 11, Issue 16, 1 January 2016. P. 9549-9559.
14. Там же.

Literature:

1. Gorshkov M.K. The Russian society as it is. – M., 2011. – P. 254.
2. Ways of Russia: the existing restrictions and possible options. – M., 2004. – P. 177.
3. Toshchenko Zh.T. Phantoms of the Russian society. – M., 2015. – P. 63.
4. Toshchenko Zh.T. Phantoms of the Russian society. – M, 2015. – P. 14.
5. Toshchenko Zh.T. Phantoms of the Russian society. – M, 2015. – P. 16.
6. Baranov P.P., Ovchinnikova A.I. Current problems of the theory of sense of justice and legal thinking. – Rostov N/D, 2006. – P. 21.
7. Toshchenko Zh.T. Phantoms of the Russian society. – M., 2015. – P. 73.
8. Nort D. Institutes, institutional changes and functioning of economy. – M. : Fund of the economic book of «Beginning», 1997. – 180 p.
9. Akhiezer A.S. Russia: some problems of sociocultural dynamics // World of Russia. Sociology. Ethnology. – 1995. – № 1. – P. 3–57.
10. Ilyin V.I. Structure of a historical track of Russia: methodology problems // World of Russia. Sociology. Ethnology. – 2017. – № 4. – P. 30–50.
11. Pelipenko A.A. Damnation of «Russian matrix» // Power. – 2014. – № 2. – P. 17–20.
12. Akhiezer A.S. Arkhaization in the Russian society as a methodological problem // Social sciences and the present. – 2001. – № 2. – P. 93.
13. Lubsky A.V., Kolesnikova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. – Volume 11, Issue 16, 1 January 2016. P. 9549-9559.
14. In the same place.

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА**



**AXIOLOGICAL INSTALLATION AND REGULARITIES OF FORMATION
OF SYMBOLIC SPACE FOR THE FUNCTIONING OF SOCIETY**

Ростова Антонина Тимофеевна
кандидат физико-математических наук,
доцент, доцент кафедры физики,
электротехники и электроэнергетики,
Северо-Кавказский филиал
Пятигорский институт сервиса,
туризма и дизайна
rostova_1177@mail.ru

Antonina T. Rostova
Candidate of physical
and mathematical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of physics,
electrical engineering
and power engineering,
North Caucasus branch
Pyatigorsk Institute of service,
tourism and design
rostova_1177@mail.ru

Киясханов Магомед Хизриевич
кандидат философских наук, доцент,
представитель МВД России
в Республике Таджикистан
milena.555@mail.ru

Magomed H. Kilyashanov
candidate of philosophical Sciences,
Associate Professor,
Representative of the MIA of Russia
in the Republic of Tajikistan
milena.555@mail.ru

Тищенко Александр Викторович
соискатель кафедры
философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
milena.555@mail.ru

Alexander V. Tishchenko
Candidate of the Department
of philosophy and sociology,
Adygei STATE University
milena.555@mail.ru

Бакланов Игорь Спартакович
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии,
Северо-Кавказский
федеральный университет
milena.555@mail.ru

Igor S. Baklanov
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Philosophy,
North Caucasus Federal University
milena.555@mail.ru

Аннотация. В статье представлено философское обоснование системной динамики воспроизводства социальности, выявлены аксиологические установки и закономерности формирования символического пространства функционирования общества. Авторы отмечают, что в целевых установках развития, человек вынужден ориентироваться на различные, часто – разнонаправленные ценности, идеалы, нормы. Признание и следование системе социальных норм, обеспечивает упорядоченность общественного взаимодействия, ориентацию на справедливое ролевое и статусное расположение индивидов и групп.

**Ключевые
слова:
Annotation.**

социальность, взаимодействие, пространство.
The philosophical substantiation of system dynamics of reproduction of sociality is presented, axiological installations and regularities of formation of symbolic space of functioning of society are revealed. The authors note that purposeful development,

people have to rely on various, often-different values, ideals, standards. Recognition of and adherence to the system of social norms, ensures public order interaction, orientation to a fair role and status location of individuals and groups.

Keywords: sociality, interaction, space.

Истоки научного исследования социальности относятся к общим процессам трансформации имеющегося знания и разработки на этой основе новых представлений о взаимной обусловленности жизни людей, прежде всего, в совместной и индивидуальной деятельности. В философском исследовании системной динамики воспроизводства социальности, типичными являются следующие задачи:

- поиск и выявление социальных диспропорций в динамике производительной активности и потребительского потенциала общества;
- отбор элементов актуальной концепции познания и взаимодействия, в том числе, в сопоставлении меры духовных благ и социальных услуг, в структуре потребления населения;
- обоснование выбора индикаторов социального благополучия компенсирующих, либо устраняющих диспропорции социального воспроизводства.

Динамика современного социально-философского знания предполагает обязательный учёт тенденций развития и воспроизводства социальности, характерных для нашего времени. Это, прежде всего:

- исторически обусловленная закономерность возрастания интереса к человеку, как главному предмету философии, инициатору науки и потребителю результатов научных исследований;
- расширение информационного компонента в динамике обоснования правильности выбранного пути развития, в динамике поиска и предложения перспективных стратегических ориентиров воспроизводства социальности;
- многоуровневая интенсификация глобальных проблем человечества, понимаемая как расширение их масштабов и возрастание обусловленных глобализацией затрат;
- научное обоснование экологических проблем, корреляция человечества как единого целого во взаимодействии с природой, ориентации на преодоление разногласий и созидательное развитие цивилизации;
- формализация элементов научного анализа в составе системы воспроизводства социальности;
- обоснование тотальности социального, как структурируемого и организуемого пространства социального познания и эксперимента.

Структурирование социальности ориентировано в следующей динамике:

- исследование феномена социальности;
- анализ особенностей структуры воспроизводства социальности;
- социальное взаимодействие в установках воспроизводства социальности;
- современные источники воспроизводства социальных структур.

В концепции системной динамики воспроизводства социальности вариативность исторического выбора определяется, исходя из условий существования и развития социума, культурных традиций и ценностных ориентаций [1]. Идеи и практика социального контроля уверенно разрабатывались на самых ранних этапах общественнознания. В трудах и в дошедших до нашего времени идеях мыслителей древности аргументация социального контроля реализована как многоуровневый и разнонаправленный процесс [2].

Социальный контроль предполагает наличие санкций, воспринимаемых большинством населения, как справедливые и применимые в преднамеренно согласованных условиях. В той или иной степени, на это указывают Конфуций (нормирование и контроль в этике социального поведения), Сократ (возрастающее значение этики и политики в развитии общества), Платон (общество и государство, как объективная потребность развития человечества), Аристотель (ориентация на приоритеты государства).

Традиционный для различных видов и форм общественнознания перечень основных функций познания, при обращении к исследованию символического пространства общественного взаимодействия людей, приобретает некоторые дополнительные, предметно обусловленные характеристики. В том числе:

- избирательность мировоззренческой функции социального познания;
- доступность – для теоретической функции познания;
- критерии и границы достоверности – для методологической функции;
- управляемость, в составе макро комплекса требований, предъявляемых к воспитательной функции;
- аргументированность и надёжность прогностической функции.

В научных трактовках социального государства управление народнохозяйственным комплексом не следует ограничивать лишь организацией взаимодействия для видов собственности разного уровня. Главным направлением работы и критерием эффективности должно стать повышение степени удовлетворения социально-экономических потребностей проживающего на данной территории населения. Соотношение рыночных и государственных регуляторов сбыта продукции, удачно формулируется на основе идеи комплексного развития региона. Здесь оказываются востребованными такие источники, как эффект масштаба, вертикальная интеграция и технологическое лидерство. Ценностные предпосылки и приоритеты философского исследования, определяют не только выбор объекта познания, но и позволяют реализовать наиболее успешные формы и методы исследования, повышающие аргументацию полученных результатов.

Изначально, основные положения философии ценности (аксиологии) сформулированы в трактовках неокантианства (В. Виндельбанд), где подчёркивалось, что теория ценности возникает «как новый вид философской основной науки». Для современного исследования воспроизводства социальных отношений, исключительно акцент на всеобщее обязательное признание ценностных характеристик развития общества. Это служит и самостоятельным оригинальным подтверждением гипотезы настоящего исследования о том, что воспроизводство социальных отношений – постоянный, непрерывающийся процесс разрешения противоречий совместной деятельности людей [3]. А также, добавим – оценки и переоценки хода и результатов этой деятельности. Соответствующее нормативное должностное признание ценности приобретает организационной формы в развитии нормирования процессов социального воспроизводства.

Одной из проблем формирования нового аксиологического пространства в установках социального воспроизводства, стало то, что символ ценности подменяет саму ценность. Обращение к проблемам культуры, экономики, политики, ко всему спектру проблем современного общества, демонстрирует расхождение, а часто – и противопоставление слова и дела, намерений и практики в реализации ценностных смыслов общественного бытия.

В целевых установках развития, человек вынужден ориентироваться на различные, часто – разнонаправленные ценности, идеалы, нормы. Признание и следование системе социальных норм, обеспечивает упорядоченность общественного взаимодействия, ориентацию на справедливое ролевое и статусное расположение индивидов и групп. Иерархия норм развития процессов социального воспроизводства складывается на основе законов, традиций, привычных правил и т.п. Чаще всего здесь представлены следующие основные элементы:

- 1) ожидаемые результаты от реализации нормы;
- 2) познание и практика регулирования характера предписывания, разрешения-запрещения (в исследуемом аспекте – по отношению к ценностным установкам социального воспроизводства);
- 3) условия и обстоятельства, минимальный набор которых обеспечивает реализацию заданных функций;
- 4) выделение и описание субъекта, группы, коллектива, общности, которым адресован «запрос» в пределах символического пространства общественного взаимодействия людей.

Таким образом, социально-экономические условия нашего времени вызывают критику со стороны большинства граждан современного общества, прежде всего – в отношении справедливости распределения и перераспределения материальных благ, финансовых ресурсов. Современный человек видит в ценности жизни не только возможность обеспечения собственного выживания за счёт собственных усилий. Возрастающее значение имеет апелляция к ожиданию предоставления жизненных благ за счёт государства, комплекса единого хозяйства, равных для всех требований законодательства.

Литература:

1. Медведев Н.П. Переоценка ценностей как социальный феномен. – Ставрополь : СГУ 1995. – С. 9.
2. Анисимова С.Ф., Василенко В.А., Дробницкого О.Г., Каган, М.С. и др. / Труды.
3. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. – М., 1910. – С. 149.

Literature:

1. Medvedev N.P. Revaluation of values as a social phenomenon. – Stavropol : SSU 1995. – P. 9.
2. Anisimov S.F., Vasilenko V.A., Travnickova O.G., Kagan M.S., etc. / Works.
3. Windelband V. Philosophy in German spiritual life of the XIX century. – M., 1910. – P. 149.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 20.06.2016

Подписано в печать 24.06.2016

Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная

Печать riso.

Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом – Юг»

350072, г. Краснодар, ул. Московская, 2

Тел. +7(918) 41–50–571

Заказ № 1749

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: www.id-yug.com